

ТАТЬЯНА ГРАЧЁВА

НАРИСУЙ

Италию

Мечтам
положено
сбываться

16+

Татьяна Александровна Грачева

Нарисуй Италию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64081896

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98307-6

Аннотация

Нелька рано научилась давать отпор и воевать с общественным мнением. Языкастая хулиганка, умеющая не просто увидеть, но и запечатлеть на рисунках мечты людей. После многолетней безответной любви сердце Алексея разбито на мелкие кусочки, чувства похоронены на дне души. Он думал, что разучился мечтать. Но Нелли не привыкла легко сдаваться. Ей по силам вернуть краски в его жизнь. Ведь мечтам положено сбываться.

Содержание

1 глава. Глаза	4
2 глава. Ведьма	19
3 глава. Тоска	33
4 глава. Комсомольский	43
5 глава. ЖанЭд	60
6 глава. Вороны	69
7 глава. Кошки драли	77
8 глава. Нодар	97
9 глава. Чупа-чупсовая авантюра	116
10 глава. Башня	131
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Татьяна Грачева

Нарисуй Италию

1 глава. Глаза

Это был самый красивый мужчина, которого Нелли доводилось видеть. Пожалуй, даже красивее её любимого Нодара, фактурнее и ярче. Глаза так вообще чистые изумруды, но почему-то печальные. Длинные тёмные ресницы склеились в мокрые стрелки, волосы повисли влажными прядями, упали на лоб, касаясь острых скул, в линии губ спряталась скорбь.

Нелька невольно потянулась к рюкзаку, нащупала блокнот и рассыпавшиеся по дну карандаши. Перелистав страницы, разочарованно вздохнула: чистых не осталось, пришлось рисовать с обратной стороны пейзажа с видом на собор Святого Марка. Упустить такого натурщика было преступлением перед природой, очень уж яркая внешность, да еще и такая невыразимая боль в глазах. В голову Нельки тут же полезли странные сравнения с выбросившимся на берег дельфином или с пылающим в едком дыму заповедником – изуродованная страдающая красота.

Мужчина сидел всего в двух метрах от стеклянной витрины кафе, в котором расположилась Нелли, чтобы переждать дождь. Вроде бы попадал под тент, но, судя по всему,

успел промокнуть раньше. Белая футболка облепила тело, нескромно очерчивая мышцы и демонстрируя темные зигзаги татуировок на плечах. Он словно и не замечал непогоду, взгляд его был направлен вовнутрь. Нелька называла такие лица «опрокинутыми» и встречала у пьяных или только проснувшихся людей. Он был не здесь, потому ни дождь, ни любопытство прохожих его не тревожили.

Карандаш быстро скользил по бумаге, Нелли почти не смотрела на портрет, который рождался под её рукой, выхватывала глазами детали внешности, пытаясь запечатлеть надломленную красоту. Острые скулы, пожалуй, даже слишком острые, бледные губы, прямые густые брови, а под ними... те самые глаза – сосредоточие тоски и боли. Впервые она пожалела, что в рюкзаке не оказалось цветных карандашей или красок. Такой оттенок радужки невозможно передать в чёрно-белом формате.

Уже заканчивая портрет, Нелли поняла, что мужчина сейчас уйдёт. Он вздохнул, взлохматил мокрые волосы, распрямил плечи и резко встал. Она торопливо вычерчивала карандашом последние штрихи, не глядя в блокнот, боясь упустить последние мгновения, пока незнакомец не повернулся к ней спиной.

Он ушёл в дождь, засунув руки глубоко в карманы джинсов, а Нелли гипнотизировала удаляющуюся насквозь промокшую фигуру, пока та не скрылась в толпе. Только потом посмотрела на портрет. Лучший из тех, что появились в её

блокноте за последние месяцы, возможно, самый лучший из всего, что она рисовала. Удалось поймать отрешённость и тоску в глазах мужчины и вплести её в красивые черты лица. Она даже успела наметить воротник футболки и проступающий сквозь ткань орнамент тату. Именно в этих переплетениях спряталась пчела. Никакого насекомого на плечах красавчика, естественно, не было. Нелли не помнила, как рисовала пчёлку, та появилась сама, без её ведома, в тот самый момент, когда Нелька не смотрела на лист, а провожала взглядом случайного натурщика.

«Значит, пчёлка», – отметила Нелька странную деталь в портрете без капли удивления, с некоторой отстранённостью. Почему именно так и как это связано с незнакомцем, Нелли и не знала, но чувствовала зуд разгорающегося любопытства.

Она провела пальцем по рисунку, коснулась линии губ, четко очерченных скул, пчелы и, в последнюю очередь, длинных ресниц.

– Охренительные глазищи.

Едва дождь утих, Нелли собрала рюкзак, заплатила за чай, который умудрилась растянуть на два часа, и вышла на улицу. В шумном кафе она успела подготовиться к контрольной по математике и к уроку биологии. Дома её ожидало празднование очередного не включённого в календарь торжества, вроде Дня водолаза или Дня ежиного сопения. Учиться в разгар безудержного веселья не всегда получалось, а чаще

всего не получалось совершенно. К маю учителя устали от бесконечной подготовки к ЕГЭ не меньше старшеклассников, озверели и срывались по пустякам. Давать математичке повод для истерики не хотелось абсолютно. Нелли и так была у неё «на карандаше», а это означало, что разгон для скандала не нужен. Быть ей облаянной, униженной и немножко оплётанной.

Если истерику учительницы Нелли терпела со вселенским равнодушием на лице, то вынести разочарованный взгляд классного руководителя и биолога по совместительству не могла. Геннадий Александрович никогда не кричал, не унижал и не позорил. Но в его глазах появлялась такая искренняя, почти детская обида, будто ты не митохондрию с вакуолью перепутал, а избил старушку бездомным котёнком.

Отсутствие дочки мама могла и не заметить. Всё чаще праздник перетекал в банальную попойку, в которой большинство гостей не были знакомы с хозяйкой квартиры.

Нелли подтянула лямку рюкзака, заправила за уши зелёные пряди волос. В любом случае домой она попадёт не раньше девяти часов, может, вечеринка уже заглохнет или переместится на другую территорию. Хорошо, если остались вкусняшки с «праздничного стола» и что-нибудь помимо пива и чипсов.

Уже больше полугода Нелли подрабатывала уборщицей в парикмахерской. Три раза в неделю после закрытия «Дивы» убирала зал и натирала до блеска зеркала. Несложной и удоб-

ной работой обеспечила мама подружки Нелли – Жанна Эдуардовна, носившая звучное прозвище ЖанЭд. Салон красоты принадлежал её знакомой, скорее всего, одной из армии должниц Жанны. Это ЖанЭд умела – помогать всем вокруг, где-то советом, где-то деньгами или услугой, а потом собирать долги.

Тут она убила сразу двух зайцев: содрала долг с хозяйки «Дивы» и облагодетельствовала Нельку. ЖанЭд не была расчётливой или хитрой, все эти благотворительные комбинации получались у неё случайно, по велению души. Она не умела оставаться с краю событий, влезала в каждое и перекраивала судьбы своими волевыми решениями.

У дверей салона Нельку встретил охранник. Невысокий парень на год её старше. На этой должности он проработал всего месяц, но уже успел миллион раз сказать, что это временное пристанище, чтоб обвыкнуться после армейской жизни, а потом он поступит в институт. Правда, направление будущей карьеры ещё не выбрал. Главное, чтоб потом его взяли в полицию.

– Я тебя и не узнал. Что за зелёное безобразие у тебя на башке?

Нелли пожала плечом, подхватив свалившийся рюкзак.

– Неоновый изумрудный. – И тут же добавила: – Не вздумай цеплять мне новую кличку!

– Кикимора, – выдал охранник. – Пока цвет не поменяешь, так и буду тебя называть.

– Одуван мне нравилось больше.

– Одуван теперь неактуален.

Оставив рюкзак на вешалке, Нелли натянула резиновые перчатки и принялась за уборку. Помимо работы в салоне, она помогала ЖанЭд в её мрачном бизнесе, вроде как на добровольных началах и безвозмездно, но женщина умудрялась сунуть ей пару купюр в карман драных джинсов или в рюкзак с присказкой «на презервативы».

С приближением лета начиналась пора ситуативных заработков, которые Нелька обожала за дешевизну и приятность в реализации. Вместе с друзьями они обносили ничейные деревья во дворах многоквартирных домов и продавали свою добычу на местном рынке. Деньги делили не поровну, а по справедливости. Кто надрал больше всех, тот больше всех и получал. Заработок постепенно перерос в соревнование. В их компании только дочка ЖанЭд Виталина не была азартной спорщицей, легко уступала первенство в непрезентабельной торговле, граничащей с законом. В принципе, только ей деньги и не были нужны, в обнесении деревьев она участвовала исключительно за компанию.

Закончив уборку под монотонный рассказ охранника об интересных клиентках, с обязательным упоминанием о том, что скоро он распрощается с «Дивой» навсегда, Нелька бросила взгляд в окно. У салона её ждали друзья. Они толкались, гоготали на всю улицу и наверняка затеяли очередной спор.

Толик и Сергей Ялицкие – братья-погодки и претенденты на звание местных хулиганов, когда-то подавали большие надежды и обещали пойти по стопам родителей-юристов. Но где-то в средних классах передумали и резко сменили направление. Нарочно громко заявляли всем, что будут безработными иждивенцами, в планах у которых просидеть на шее у родителей всю жизнь и заниматься боксом для удовлетворения мордобитной потребности. Истинные планы они скрывали даже от подруг, напуская туман озвучиванием фантастических профессий.

Местные бабульки поговаривали, что виновата Нелька, сбившая их с истинного пути, направив по стезе непотребства и беззакония. Несмотря на миниатюрный рост, она была старшей в компании и самой языкастой. У бабулек пользовалась плохой репутацией и регулярно выхватывала порицания и обидные реплики, на которые реагировала наигранным злодейским смехом.

Увидев Нельку, Толик не удержался от сравнения:

– Ну, ты мать даёшь! Гринч¹ отдыхает. Зелёный, ёпт, зелёный. Это тебя в твоей цирюльне так разукрасили?

– Яицкий, не тарaxти, – отмахнулась Нелька, намеренно исказив фамилию друга.

Сергей боднул брата плечом.

– Математичка тебя прибиёт, а Геннадич расплачется.

Нелли обхватила друзей за плечи и поджала ноги, вынуж-

---

¹ Гринч – персонаж из мультфильма. Лохматый и зелёный.

дая нести себя над тротуаром.

– Виталик где?

Сергей прошёл до конца квартала и стряхнул с шеи худую руку Нелли.

– Витка дома, наверное. ЖанЭд не отпустила с нами, наоборот, тебя зовёт к ним в гости. Батя скоро вернётся?

Нелли отбежала немного вперёд и забралась на бордюр. Прошла несколько метров, балансируя на узкой поверхности, и резко развернулась на одной ноге.

– Через неделю приедет. Пойдём лучше ко мне.

Толик и Сергей переглянулись и, не раздумывая, одновременно кивнули.

– А пойдём.

Сергей учился с Нелькой в одном классе, в детском саду был первым, кто её поцеловал и насыпал за шиворот песка в знак симпатии. Нелька делилась с ним корками хлеба, которые терпеть не могла, и пенками от молока. Несмотря на намёки Толика, их дружба не переросла в отношения и не приобрела романтический налёт. Несколько лет Толик бродил по пятам за братом и требовал поделиться с ним Нелькой. Сергей ни в какую не желал расставаться со званием единственного лучшего друга и ревновал к брату. Нелька сама решила поделиться собой и позвала Толика в компанию. Вита присоединилась немного позже, уже в пятом классе, хотя с ней они также были знакомы с яслей. Обрастать хулиганскими замашками культурная Виталина и не подумала, умудри-

лась не впустить в свою речь ни одного бранного слова, а в манеру одеваться – джинсы и кроссовки.

А вот плохую репутацию Нелли приобрела немного позже.

Дверь в квартиру оказалась незакрытой, не пришлось ни звонить, ни вставлять ключ. Музыка гремела и вываливалась на лестничную площадку низкими басами, от которых вибрировало в животе. Нелли толкнула дверь и сразу окунулась в шум веселья. Много незнакомых лиц, по возрасту чуть старше самой Нельки. Где только мама находит таких «гостей»? Старше двадцати пяти только сама хозяйка квартиры и её постоянные собутыльники из соседнего подъезда. Остальные же пришлые, унюхавшие возможность развлечься на халяву.

Толик и Сергей просочились на кухню и принялись хлопать дверцами в поисках еды. Домой они не стремились, боясь попасть на очередную лекцию о дурном влиянии улицы. Молодые организмы, утомлённые на тренировках по боксу, требовали заправки едой.

Нелли разгребла на столе кавардак и быстро слепила бутерброды из остатков колбасы и сыра, найденных в холодильнике. Ужин, считай, удался. Могло быть и хуже.

Пока друзья уничтожали нехитрый провиант, Нелли вернулась в зал, обвела взглядом комнату, наполненную незнакомыми людьми. Мама обнаружилась на диване за важной беседой о вопросах бытия, а именно – есть ли любовь, или

это биохимический процесс и банальная физиология. Она размахивала тлеющей сигаретой, нависая над совершенно пьяным собеседником.

– Любви нет. Есть только страсть, которая гаснет, едва гормоны успокаиваются.

Собеседник не спорил, он сосредоточился на борьбе с рвотными позывами.

– Полигамия – удобное оправдание для мужчины. Стремление к продолжению рода и подобная чушь. Кого продолжать-то? Род моральных уродов и преступников?!

Нелли вздрогнула, отмахнулась пятернёй от сигаретного дыма. Мама оседлала любимого конька и ехать на нём могла долго. Противоречила сама себе и снова возвращалась к обиде на отца.

– Мам, опять за старое. Есть любовь, есть.

Мама нехотя отклонила голову от лица уже спящего собеседника, сфокусировала взгляд на дочери.

– Нель, какая мама. Я же просила – Вера. Я тебе суп сварила. На плите, кажется, остался. Тайсоны твои здесь? Покури ребят.

Нелли промолчала. Суп вполне мог быть фантазией мамы. В нетрезвом состоянии и при свидетелях Вера любила разыгрывать роль хорошей родительницы.

Нелли перебрала бутылки на столе, нашла парочку не откупоренных с пивом и отнесла на кухню.

– Будете?

Толик обернулся.

– Давай, – пробурчал он с набитым ртом. – Тебе оставить?

– Не надо.

И принялась собирать обёртки и пустую тару, небрежно распахивая по мусорным пакетам. Сергей отставил бутылку и, подхватив Нелли под мышки, закружил по комнате. Узкая кухня не предполагала таких размашистых телодвижений. Ноги цеплялись за стулья, он едва не стукнул Нельку головой об открытую дверцу шкафа. Толик подхватил недопитую бутылку и забился в угол, чтобы не получить пяткой в лоб. Нелька заверещала, перекрикивая громкое и фальшивое пение Сергея.

– Я сейчас шею сверну, придурок! Или тебе, или себе.

Он поставил подругу на пол и попытался сбежать, но она настигла его в зале и прыгнула на спину.

– Куда собрался? Теперь пляши со мной.

В веселящуюся толпу они буквально ввалились неуклюжим двухголовым кентавром. Целую песню протанцевали таким необычным способом. Нелька размахивала руками, сидя на спине Сергея, он поддерживал её под колени и крутил во все стороны, как ретивый конь на родео.

Скинув беспокойную ношу, Сергей распрямил спину и с наигранной усталостью потер шею.

– Мелкая Кузька, а тяжёлая, как пушечное ядро.

– Папа говорит, что во мне дерьма много, – отшутилась Нелька с абсолютно серьёзным лицом.

Ещё час веселились вместе с гостями. Толик даже умудрился обаять полупьяную студентку, не распознавшую школьника в рослом парне с широкой шеей и плотной щетиной на квадратном подбородке. Он напросился на поцелуйный урок с демонстрацией практической части. Сергею повезло меньше. Ему досталась обиженная на «подлого ублюдка» барышня, решившая воспользоваться случайным собеседником как жилеткой.

Стрелки убежали далеко за полночь, гости и не думали расходиться, веселились шумно и не совсем благопристойно. Нелли отправила друзей домой, напомнив, что школу они ещё не закончили и, если так продолжится, приличный аттестат им не светит.

В свою спальню она вошла, не включив свет, замерла, разглядывая серую в свете луны карту Италии на стене. Папка с её рисунками была выпотрошена, и белые листы, усеявшие темный пол, светились как окна в параллельную вселенную. Нелли вскипела за секунду. Треснула кулаком по включателю и уже развернулась, чтоб отругать безалаберную мать, как увидела, на своей кровати незнакомого пьяного мужчину. Он даже не потрудился разуться, уложил ботинки на подушку и прикрылся углом пледа. Всем, что смог вытянуть из-под собственного неподъёмного тела. Седовласый, но ещё не старый, одежда приличная, правда, сильно помятая и несвежая.

Он не храпел и выглядел скорее не спящим, а мёртвым,

сквозь щели несомкнутых век сверкали белки глаз.

– Мам! – Нелли попятилась. – Вера, чёрт возьми! Что это за тип тут на моей кровати? Ондохлый, что ли?

Не получив ответа, Нелли дёрнула непрошеного гостя на рукав, он резко вздохнул, хрюкнул, но не проснулся. Убедившись, что в её кровати не покойник, Нелли уже смелее потянула его за ногу. Стащила с кровати вместе с покрывалом, попыталась сдвинуть или разбудить, но мужчина не шелохнулся, претворяя в жизнь фразу «мертвецки пьян». Перекатив безвольное тело ближе к столу, Нелли собрала разбросанные и местами даже помятые рисунки в папку, выровняла на стене распечатанные из интернета фотографии с красивыми видами Италии и села на кровать. Видимо, придётся спать в компании пьяного незнакомца.

Не впервые ей доводилось делить комнату с одним из маминых задержавшихся гостей. Её просьбу не заходить в спальню мама регулярно игнорировала. Всё реже контролировала сценарии своих квартирных праздников, а под действием алкоголя впадала в крайности. Её накрывала то озлобленность, то вселенская доброта: заходи куда хочешь, бери что хочешь.

После душа Нелли переоделась в ванной, единственной замыкающейся комнате, в спортивный костюм и вернулась в комнату. Гость спал на спине, неудобно подвернув руку, упираясь щекой в ножку стула. Освободив его кисть, Нелли чуть отодвинула голову в сторону, секунду поколебавшись,

отдала свою подушку.

Сразу не уснула, потянулась к карандашам и за несколько минут набросала лицо спящего гостя. Сам портрет получился схематичным, без деталей, а вот цветок в петлице про-рисовала тщательно, уже закончив, увидела, что в лепестках розы угадывается женское лицо.

Отложила рисунок в сторону и только тогда увидела, что на столе нет рамочки с фотографией. В панике оглядела пол и обнаружила у подоконника осколки и мятый снимок. Бережно расправила его и вложила между страниц учебника по биологии.

– Неблагодарная ты сволочь. Я тебе подушку отдала, а ты мою любимую фотку испоганил.

На фото изображен был не парень, хотя Нелька давно обзавелась объектом грёз, на ком могла бы лить слёзы. Фотограф запечатлел двух девушек, похожих внешне, одинаково смеющихся и радостных.

Выключив свет, Нелли развернулась к окну, потянулась до хруста в костях, закрыла глаза. Музыка за стеной немного утихла, видимо, соседка пригрозила вызвать полицию, разговоры уже слышались не так отчётливо, квартира наполовину опустела, а те, кто остался, постепенно впадали в дрему и выключались из беседы, как перегоревшие лампочки в гирлянде. Одна за одной, пока не стало совсем темно и непразднично.

Неля потянула за лямку рюкзак, достала блокнот и рас-

крыла его на последней странице. В свете луны портрет дождливого красавчика обрёл некую таинственность, а глаза – потустороннюю глубину.

– Повезло же кому-то таким родиться! – с досадой воскликнула. – Такой точно не знает, что значит быть отвергнутым или незамеченным. Безответная любовь не про него. Скорее он сам причина десятков разбитых сердец.

Утром пьяный квартирант исчез вместе с портретом, который нарисовала Нелька, оставив после себя только мятую подушку в грязной наволочке.

2 глава. Ведьма

Мысли о зеленоглазом незнакомце привели в итоге к Нодару и появлению её первой робкой влюблённости, зародившейся ещё в детском саду.

Меньше всего Нельке хотелось целовать Серёжу. Она сидела на качелях, высматривая через кустарниковую изгородь ребят из старшей группы. Уже неделю Нодар не показывался в саду, видимо, болел. Нелли жутко скучала по нему и ждала каждый день. Единственной возможностью увидеть его была прогулка на улице. С недавнего времени их группу выводили на соседнюю площадку, и Нелька заранее занимала самое удачное место обзора – качели.

Серёжа подлетел к ней со спины. Стянул шапку и, не спрашивая разрешения, чмокнул в щечку влажными холодными губами. Несколько секунд назад он ел сосульку, и поцелуй получился морозно-студёным.

Нелька вытерла щеку, обернулась.

– Ты чё?

– Это игра такая. Кого поймал, того целуешь.

– Фу, – коротко обрисовала Нелька своё отношение к поцелуям и посмотрела сквозь переплетения веток, присыпанных снегом, в надежде увидеть Нодара. Вот его, пожалуй, она бы поймала.

Едва она успела оторваться от наблюдения, как Серёжа

прошипел ей на ухо:

– Ведьма идёт, – он резко дёрнулся назад, но почти сразу остановился и обречённо опустил взгляд, – поздно.

К качелям приблизилась воспитательница. Оглядела ребят пристальным взглядом и ткнула пальцем в перекошенную шапку Нельки.

– Заболеешь.

Сергей выровнял помпон на голове Нелли, схватил её за влажную рукавицу и потянул в сторону беседки.

Воспитательница проводила их взглядом, в спины ребят полетели уже не раз озвученные реплики:

– Я, кажется, сотню раз говорила, чтобы не прятались по углам и не ходили к забору. Вас двадцать, а я одна. Свернёте себе шею, а я буду виновата.

В детском саду Александра Константиновна работала меньше года, чаще всего замещала тех, кто отсутствовал по болезни или уходил в отпуск. В среднюю группу она пришла два месяца назад, когда постоянная воспитательница ушла в декрет. Первым делом запретила включать магнитофон и тем самым лишила ребят одного из любимых развлечений – танца маленьких утят. Расставила столы и стулья рядами, как в школе, и оборвала традицию чтения в начале тихого часа.

Новая воспитательница носила короткую стрижку с химическими кудрями на макушке и коричневые ботинки почти детского размера. Было в её чертах что-то совсем не женственное, даже грубое. Улыбалась она редко и сдержанно. В

резких движениях, в коротких ответах сквозило раздражение и какая-то озлобленность. Ни с нянечкой, ни с другими коллегами она особо не дружила, сразу же выставила дистанцию и предпочла остаться сама по себе.

Месяц назад с лёгкой подачи поварахи Александра Константиновна получила прозвище Ведьма. Дети не стали оспаривать случайно брошенное слово, наоборот, подхватили и прилепили намертво. Лучше заведующей и родителей они знали, что эта кличка подходит воспитательнице как нельзя лучше. Александра Константиновна не была доброй. Могла грубо схватить или толкнуть, с нескрываемым удовольствием унижала и наказывала. Дети затаились и присмирели, старались лишний раз не злить ведьму и не выделяться.

Большую часть времени воспитательница наблюдала за своими подопечными, сидя за столом, в игру не включалась и не организовывала. Зорко выискивала повод придраться и излить скопившийся яд.

В тот день ей попалась Нелли. Тихий час начался чётко по расписанию. Секунда в секунду, дети закрыли глаза и вытянулись в кроватках, как маленькие выдрессированные солдатики. Нелька развернулась лицом к кровати Серёжи и потянула его за ухо.

– Спишь?

Мальчик приоткрыл один глаз.

– Да.

– Ага, вижу, – Нелька сдвинулась к краю постели. – Давай

после полдника снеговика слепим?

Серёжа засопел.

– Ведьма нас сожрёт. Она Витке за грязные варежки чуть уши не открутила. И по жопе надавала мокрыми колготками. Она злая, – подытожил он.

– Папа говорит, что она справедливая и строгая, то что нужно нам, оболтусам.

Уже заканчивая предложение, Нелли увидела, что Серёжа смотрит куда-то за её спину, и вжала голову в плечи.

Александра Константиновна обошла кровать и встала в проходе.

– Тихий час для кого придуман? Для меня, что ли? Если легли спать, значит, должны спать, и никаких разговоров. И сами не спите, и другим мешаете, – она говорила тихо, чекая каждое слово, заканчивая фразы легким присвистом. А от этого сама закипала ещё больше, шипение усиливалось. – Кузнецова, ты не в первый раз устраиваешь беседы. Ялицкого будишь. Может, ты полагаешь, что правила на тебя не распространяются?

Нелька печально вздохнула. Слова «правила» и «обязанности» точно не входили в число её любимых, зато их очень уважал папа. Видимо, протяжный вздох девочки стал последней каплей. Александра Константиновна сдернула со спинки кровати клетчатую рубашку, грубо подняла Нельку за косу и резко, одним движением, обвязала ей рот рукавом. Кожа на щеках запылала, будто лицо натёрли наждачкой или

поиграли в болезненную «крапивку».

Воспитательница склонилась над подушкой:

– Попробуй только пикнуть.

Нелька не решилась пробовать. Зажмурилась и затихла. Серёжа несколько раз окликнул её, но она не шелохнулась. Её сковал животный страх и чувство беспомощности. Слезы текли по щекам и впитывались в рубашку, нос предательски захлюпал, добавляя влажности самодельному кляпу. Никогда ещё Нелька не чувствовала себя такой обиженной и несчастной, в горле стоял ком размером с яблоко, мешал дышать и глотать.

Александра Константиновна несколько раз вставала со стула у дверей спальни и ходила по узким проходам между кроватями. Заслышав дробные, частые, словно стук копыт, шаги, Нелька замирала, ещё плотнее зажималась, всем телом ощущая бешеное биение пульса. Шаги затихали на несколько секунд, Нелли знала, чувствовала, что воспитательница смотрит на неё, и мечтала исчезнуть. Ведьма её пугала, не как что-то непонятное и необъяснимое, вроде смерти, не как захватывающая дух высота разрушенной водонапорной башни, а как собака. Вполне реальная собака, которая может укусить, и уже кусала других не единожды, но впервые её.

Где-то в глубине души поселилась жгучая обида на несправедливость и парализующее чувство беспомощности.

К сожалению, кляп из рубашки оказался не худшим по-

ступком Александры Константиновны. На следующий день Нелька пережила самое большое в жизни унижение. За обедом она выпила два стакана своего любимого компота из груши-дички. А в туалет сходить не успела, побежала в кровать одной из первых, чтоб лишний раз не разозлить Ведьму. Через час компот напомнил о себе. Сначала Нелька стойко держалась, кривилась, прижимая скомканное одеяло к животу, но молчала. Очень уж ярко перед глазами стояло воспоминание о клетчатой рубашке, промокшей от слёз. Когда терпеть стало невозможно, она спустила ноги на пол и наклонилась в поисках босоножки. Из дальнего конца комнаты к ней направилась Александра Константиновна, грубо толкнула Нельку в плечо, заставляя вернуться в постель.

– Опять, Кузнецова. Легла в кровать сейчас же.

– Я хочу в туалет.

– После тихого часа сходишь.

Александра Константиновна нависла над кроватью, не давая подняться.

– Я сейчас хочу, – пробормотала Нелли, но не шелохнулась.

– Терпи.

Нелли терпела, но недолго. Почувствовав, как под ней расплзается тёплая лужа, задрожала от ужаса и одновременно облегчения. Боль отпустила, но пришло осознание, что она сделала что-то ужасно постыдное, нехорошее. Нелька лежала, боясь пошевелиться, чтоб никто не заметил её позора.

И надо же было такому случиться, что в этот раз заснула, хотя давно уже привыкла бодрствовать в тихий час. Проснулась от того, что спине и ногам стало холодно, открыла глаза и тут же увидела Александру Константиновну.

Ведьма стояла рядом и держала в руках её мокрое одеяло. Скинув остатки сна, Нелли услышала разрозненные смешки и увидела лица ребят, обращённые в её сторону. Выдрессированные Ведьмой, смеяться открыто и громко без её разрешения они опасались.

Александра Константиновна взяла Нелли за руку, резко подняла.

– Вы только посмотрите, что учудила Кузнецова. Это ж надо так опозориться. В шесть лет положено ходить в туалет, видимо, придётся купить специально для неё подгузник или стелить клеёнку. – Она громко хмыкнула, давая отмашку для рвавшегося наружу смеха. Ребята перестали сдерживаться и захохотали, кто-то громко и нарочно наигранно, кто-то тихо, а Серёжа едва не разревелся сам.

Если бы в тот момент Нелли могла выпрыгнуть из окна, она бы так и поступила, лишь бы не чувствовать жалящих взглядов. В глазах поплыло от слёз, лиц она не видела, только слышала, что над ней смеются и обзывают «сыкухой».

Александра Константиновна сгребла с кровати мокрое бельё и вручила Нельке.

– Неси в душевую.

Нелька не шелохнулась, вцепилась во влажный ком и за-

мотала головой.

Ведьма толкнула её в сторону дверей.

– Неси.

Пришлось идти через всю спальню с мокрыми пятном, расплывшимся по пижаме до самых лопаток. В спину летели кусачие смешки и новое обидное прозвище. В тот день Нелька испытала унижение, породившее другое сильное чувство – ненависть. Раньше она ненавидела только молочные пенки и субботнюю генеральную уборку, а оказалось, можно ненавидеть человека. Ненавидеть до потемнения в глазах и одновременно бояться.

До вечера она была неразговорчивой, даже дома витала в облаках. На предложение сестры поиграть в домино не отреагировала, хотя обычно сама была инициатором забав. Надя не стала приставать к Нельке, ушла на кухню, помогать маме с ужином.

По квартире поплыл приятный аромат, хлопнула входная дверь – папа вернулся с работы. Только услышав его голос, Неля выбралась из недетских мыслей. Несколько часов она пыталась убедить себя, что во всём виновата сама: во-первых, мешала спать другим, во-вторых, выпила много компота и крепко уснула. Вроде всё получалось правильно, но в это оправдание никак не вписывалась её обида и кипящая злость. От воспоминаний о мокрой пижаме, которую ей пришлось застирывать в раковине, в носу защипало, а горло сжало спазмом.

За семейным ужином Нелька сидела, уткнувшись взглядом в тарелку, на папины замечания реагировала с опозданием, за что получила от сестры ощутимый пинок по голени и предупреждающий взгляд.

Отодвинув пустую тарелку, Юрий Михайлович откинулся на спинку стула, нашёл взглядом молчаливую дочку.

– Мама сказала, что на тебя сегодня жаловалась Александра Константиновна.

Нелька выпрямилась и подняла взгляд. Краска тут же бросилась к щекам, выдавая волнение. Ей хотелось поделиться своими переживаниями, но мешали страх и стыд.

– Я хорошо себя вела.

Юрий Михайлович дождался, когда жена придвинет к его руке кружку с кофе, отхлебнул, глядя на присмиревшую дочь поверх чашки.

– Видимо, нет.

Надя придвинулась к Нельке, нащупала её ладошку и сжала. Разница чуть больше года возлагала на неё обязанность приглядывать за младшей сестрой и, если нужно, защищать.

– Представляю, как ей сложно с вами справляться, – продолжил Юрий Михайлович, ища взглядом поддержку у жены. – С вами двумя иногда на стенку хочется залезть, а там двадцать.

– Двадцать пять, – подсказала Вера.

– Тем более. Не заставляй меня за тебя краснеть.

– Не буду, – пообещала Нелька, но уже на следующий день

нарушила данное отцу слово.

А причиной стала каша. Виталина Колесникова не дружила с Нелькой и с Серёжей не общалась, но Александра Константиновна рассаживала детей самостоятельно, без учёта их симпатий, за обедом они оказалась за одним столом. Нелька увлечённо выгрызала мякиш из хлебных ломтей, чтоб передать потом корки Серёже, огрызки складывала у тарелки, Вита лениво ковыряла ложкой в манной каше, пила из кружки какао, аккуратно и медленно, чтоб пенка не коснулась губ. Нелька тоже ненавидела эти пенки, а Серёжку – их потребителя, воспитательница отсадила куда подальше, через два стола. Корки предстояло передавать чуть ли ни контрабандой, через несколько рук.

Заметив, что за их столом тарелки с кашей практически нетронутые, Александра Константиновна замерла, сверхъестественным нюхом учуяв вероятность наказания.

– Кто у вас тут беззубая бабушка? – она приподняла пальцами кусок хлеба, выгрызенный в виде буквы «П».

Дети обернулись к их столу, начали похихикивать.

Нелька насупилась и спрятала пока ещё не обнаруженный точно такой же кусок, где-то внутри вспыхнула и начала разрастаться злость, приправленная острой обидой.

Решив, что дети достаточно посмеялись, воспитательница махнула рукой.

– Когда я ем, я глух и нем, – она перевела взгляд на тарелку манки перед Виталиной. – А кто это кашу не ест?

Вита улыбнулась и чистосердечно призналась:

– Я не люблю манку, и она холодная.

– Кто не будет есть, тому за шиворот засыплю. Неблагодарные. Государство вас кормит, всё для вас, а они нос воротят.

Вместо того чтобы изобразить аппетит, Вита отложила ложку.

Нелька тогда решила, что у Виталины совершенно не развито чувство самосохранения. Видимо, она из тех, кто суёт голову в пасть крокодила в надежде пересчитать зубы.

Александра Константиновна молча подняла тарелку, одним пальцем отодвинула ворот нарядной кофточки Виты и опрокинула туда манку. Большая часть липкой субстанции потекла поверх одежды, но кое-что просочилось и под неё. Вита открыла рот, но не заплакала, в её глазах плескалось такое искреннее недоумение, что Нелька не стерпела и вскочила. Схватила свою тарелку и перевернула на блузку воспитательницы. Остывшая каша на секунду прилипла однородным блином и сползла на юбку, будто большая улитка, оставив склизкую дорожку.

За себя Нелька не смогла постоять, проглотила обиду, но позволила гневу вырасти до огненного шара, который взорвался мгновенно из-за девочки, которая даже не была её подругой.

Александра Константиновна никогда не была детей по лицу, но в этот раз не сдержалась. Звонкая пощёчина отброси-

ла Нельку назад, она налетела на стул, но не упала. Женщина тут же испугалась своей вспышки, схватила Нелли за руку и потащила в туалет.

Захлопнув дверь, схватила с вешалки первое попавшееся полотенце, смочила под струёй холодной воды и приложила к её щеке.

Нелли молчала, в ушах всё ещё звенело от удара, пол-лица пульсировало болью, но слёз не было. Александра Константиновна отпустила полотенце, присмотрелась к чётко выделяющейся пятерне на светлой тонкой коже с веснушками.

– Ты же понимаешь, что поступила плохо, гадко, у меня не было выбора. Я должна была тебя наказать.

Нелли потрогала пальцем опухшую щеку, на ощупь она казалась горячей и воздушной, как зефир.

– Вы же то же самое сделали.

Воспитательница опустилась на одно колено, обхватила Нелли за плечи и впервые заглянула в глаза.

– Это совсем разное. Я вас воспитываю, чтобы вы выросли хорошими людьми. – Она придвинулась ещё ближе и искренне улыбнулась. – Давай никому об этом не скажем. А то родители решат, что ты скверный ребёнок и будут меньше тебя любить.

Нелли высвободилась из цепких объятий и снова приложила к щеке полотенце. Её всё ещё мелко потряхивало, выплеснувшаяся злость осела на коже колкой пылью и зудела.

– Хорошо, – нехотя согласилась она.

Вечером, когда родители стали забирать детей, Нелли расположилась рядом со шкафчиком Виталины в ожидании её мамы. Громогласную Жанну Эдуардовну боялось большинство детей и, наверное, не меньшее количество взрослых. Женщина-трансформатор беспрестанно вырабатывала шум, активность и суету, разговаривала, будто обращалась со сцены к полному залу, пахла крепкими сигаретами и носила мужские ботинки с жёсткими, как проволока, шнурками.

Нелька робела при виде этой большой женщины, вот и в этот раз потеряла дар речи. Жанна Эдуардовна хлопнула дверцей с грибком, так что зашаталась вся линия шкафчиков. Увидев Нелли, она покровительственно потрепала её по плечу.

– Ты чего трясешься, куцый хвост?

– Витка не переворачивала на себя манку.

– Чего? Да говори ты громче, что за писк кошенья? – Она села на банкетку, скрипнувшую под её могучим телом. – Какую манку?

– Ведьма засыпала ей манку за шиворот, – назвав воспитательницу кличкой, Нелли растерялась. Это вышло случайно. Но именно это привлекло внимание Жанны Эдуардовны. Она нахмурилась.

– Воспиталка ей кашу за шиворот вывернула?

Нелли кивнула.

– Да.

– И, небось, не впервые?

– Не впервые.

– А моська твоя великолепная – тоже её рук дело?

Нелли неосознанно коснулась пальцами скулы и снова кивнула, а потом оглянулась на двери в группу.

Жанна Эдуардовна поймала этот затравленный взгляд и, не тушуясь, выразилась несколькими непечатными словами, закончив эмоциональную фразу вполне невинным на фоне мата существительным.

– ...тварина. Ох я ей, скотине, кудри сейчас распрямлю.

Нелли интуитивно выбрала в защитницы простодушную и деятельную Жанну Эдуардовну. Как знала, что та не оставит безнаказанными методы воспитания Александры Константиновны. А дальше всё завертелось, закружилось, наслось снежным комом. Дети принялись рассказывать, как воспитательница била их по рукам, как лупила мокрым полотенцем, угрожала и запугивала. На фоне этих откровений манка за шиворотом и кляп в тихий час выглядели почти безобидной забавой. Александру Константиновну уволили со скандалом, куда она уехала и получила ли она наказание за садистские наклонности, детям не рассказали. Некоторые из её «любимчиков» ещё несколько месяцев писались в постель и просыпались в слезах от кошмаров.

Нелька навсегда запомнила это кисло-горькое чувство беспомощности и унижения, на Жанну Эдуардовну смотрела как на героиню, если бы та носила трусы поверх колготок, то сравнялась бы в крутости с суперменом.

3 глава. Тоска

Алексей шёл по улице, глубоко погружённый в раздумья. Нужно было что-то решать. Не вечно же ему болтаться в Краснодаре, пользуясь гостеприимством друга. Тем более у Кости личная жизнь складывалась не в пример лучше его. Отношения с девушкой близились к официальному узакониванию, и в двухкомнатной квартире посторонний им явно мешал. Ни Лера, ни Костя не упрекнули его в злоупотреблении квадратными метрами, но пару раз он едва не застал их в пикантной ситуации. Костя работал в травматологии, Лера – медсестрой в той же больнице. Их смены не всегда совпадали, но, если Костя и Лера оказывались дома одновременно, всегда спешили уединиться. Алексей был лишним и чувствовал это постоянно, а на фоне их взаимной любви ещё больше ощущал тоску и одиночество.

Вот и сейчас он просто ушёл из квартиры, без цели, лишь бы не видеть страстные взгляды и нежные объятия, не быть свидетелем чужого счастья. Побродил по парку, прокатился на колесе обозрения, не испытав и сотой части того, что когда-то ощущал на этом аттракционе. Он чувствовал себя замороженным, будто смотрел на жизнь со стороны, из-за стекла, а собственные эмоции застыли в одном-единственном состоянии – непрекращающейся мучительной тоске.

Алексей как раз подумывал, чем бы ещё занять время,

чтобы вернуться как можно позже, когда в кармане завибрировал телефон. Не глядя на экран, приложил трубку к уху.

– Алло.

– Привет, Лёш.

– Привет, мам.

Повисло неловкое молчание.

– Лёш, ты думаешь возвращаться или нет?

Он вздохнул, ответа на этот вопрос он и сам не знал.

– Ещё не решил.

– Решай уже что-нибудь. Кто-то должен заниматься пасекой. Мне это уже не по силам. Если тебе это не надо, я поговорю с Филипчуком. Он и так помог: из зимовника вынес ульи, сам осмотрел приплод и маток. Сказал, что готов купить все семьи. Но ты же знаешь, чего хотел отец.

Алексей оттянул ворот футболки, будто тот его душил.

– Помню. Дай мне пару дней. Я точно решу, что делать. Пока ничего не продавай. А Филипчуку заплати. Я пришлю деньги.

– Хорошо. Как ты там?

– Всё хорошо. Я позвоню тебе позже.

Алексей отключился первым. Эти разговоры о возвращении в родной посёлок его жутко угнетали. Он не хотел ехать в Комсомольский. Не просто так в восемнадцать лет сбежал оттуда. Его тяготила эта жизнь, постоянные напоминания о том, что пасека перейдёт ему и настанет его очередь заниматься пчеловодством, убивали своей предопределённо-

стью. Его лишили выбора, заранее навязав сценарий жизни. Брат почему-то по этому поводу не переживал, удрал сначала в Питер, а потом и за границу. Оттуда его теперь не так-то просто достать. После похорон отца Иван задержался всего на день, убедился, что Лёша присмотрит за мамой, и сразу же улетел обратно в Германию. А ведь когда-то, ещё в детстве, именно Иван собирался продолжить дело отца. В живописном Комсомольском ему всегда нравилось, и к городской жизни он не стремился. Алексей же ещё в старших классах заявил, что уедет за тридевять земель и ему никогда больше не придётся выращивать укроп для салата и курей для бульона, а знания о медоносах и болезнях пчёл он просто сотрёт из памяти.

А вышло всё вот так. Отец умер не внезапно, долго болел. Не жаловался и не требовал повышенного внимания, тихо угасал, глядя в окно на тихий опустевший сад, ощущая себя таким же засыпающим деревом. В один из солнечных осенних дней он попросил сыновей приехать. Вот тогда и состоялся у них разговор.

Увидев в дверях растерянного Алексея, Евгений Прокопьевич подозвал его.

– Ты первый добрался. Как дорога?

Лёша сел на край кровати, коснулся сморщенной кожи на руке родителя. Если раньше отец выглядел моложе своего паспортного возраста, благодаря ровной осанке и блеску в глазах, то теперь годы догнали его, а болезнь превратила в

старика.

– Доехал быстро. Ванька уже в Москве, завтра, наверное, будет.

– Я как трутень, которому не суждено пережить зиму, – отей перевёл взгляд на вишнёвый сад за окном, глубоко вздохнул. – Как пахнет жизнь. Мне не грустно уходить, я пожил достаточно. Жаль оставлять Полю. Она сама не справится.

– Я помогу маме.

– Лёш, – взгляд Евгения Прокопьевича стал жёстким, – ты должен быть тут. Это твоё место. И пасека, и сад – это всё твоё. Ванька уже не вернётся. Обещай, что не оставишь дом.

Алексей растерялся. Не хотел расстраивать отца, но и солгать не мог. Молча кивнул.

Этим согласием он и загнал себя в угол. Мама знала об этом разговоре и уже миллион раз после смерти отца напонила о его опрометчивом обещании. Он не хотел возвращаться, теперь ещё больше, чем месяц назад. Его тянуло в Москву.

Узнав от друга, что Марина в столице, он хотел броситься ей навстречу в тот же день. Метался, звонил в авиакассы, даже добрался до железнодорожного вокзала, но там остановился, буквально рухнул на скамью. Да, она в Москве и, если верить словам Даниила, одна, работает и живет там уже больше года. Но в их отношениях это ничего не меняет. Она его не любит и вряд ли когда-нибудь сможет ответить на его

чувства взаимностью. Он осознавал это, но сердце рвалось туда в глупой надежде, что он сможет её покорить, сможет влюбить в себя. А если нет, его любви хватит на двоих. Говорят же, что в паре один любит, а другой позволяет себя любить. Пусть она только позволит. Даже если в ней никогда не вспыхнет страсть, он постарается сделать её счастливой, перевернёт мир, чтобы она забыла того, кто её оставил. Алексей никогда не видел этого мифического мужчину, отвергнувшего Марину, но ненавидел его всем сердцем. Как можно было отказаться от этой колдовской русалки? Как?

В таком раздразе он бродил весь день. Сердце рвалось в Москву, а разум холодно твердил: тебя там не ждут, ты ей не нужен. Лучше бы он вообще не знал, что она в Москве и одинока. За четыре года почти свикся мыслью, что она чужая и никогда не будет ему принадлежать. Хранил в памяти их единственную ночь, как драгоценный дар, и постепенно его грусть стала светлой. А теперь всё сначала. Снова эти мысли, это отчаяние... Он сам себя ненавидел за эту ненормальную, болезненную любовь, пропитанную морской солью и горечью несбывшихся надежд.

Он брёл по улице, не замечая ни людей, ни дождь, по южному обычаю сдобренный шальной грозой. Со стороны Алексей напоминал сумасшедшего, сбежавшего из психиатрической лечебницы и забывшего, куда и для чего спешит. Прошло уже два дня, с тех пор как новость о Марине расправила его и без того изуродованное сердце, а он продол-

жал метаться, сохраняя при этом видимость инертного спокойствия. Костя если и заметил, что с другом творится что-то неладное, не лез с советами и не пытался раскрутить на задушевную беседу. Да и Леру умудрился удержать от распросов.

Вот и сегодня утром пришлось улизнуть из квартиры. Воскресенье началось с хихиканья и вполне узнаваемых звуков за стеной. Решив не смущать влюблённую парочку, Алексей быстро привёл себя в порядок, натянул первую попавшуюся свежую футболку, джинсы и вышел на улицу. Почти сразу желудок напомнил, что остался без завтрака, пришлось искать какое-нибудь приличное кафе, где можно выпить кофе без угрозы для здоровья.

Он пошёл на запах выпечки, почти сразу наткнулся на кондитерскую с открытой террасой, выходящей прямо на тротуар. Невысокий заборчик чисто символически ограждал кафешку от улицы. По краю полосатого тента свисали кашпо с неестественно яркими растениями. Немногочисленность посетителей настораживала, но искать другое место для завтрака не хотелось, да и аппетит разыгрался не на шутку. Алексей занял столик у белого заборчика, сразу же заказал крепкий кофе. Немного подумав, решил позавтракать плотнее и попросил вдобавок яблочный штрудель и мороженое.

Через два столика от него расположилась шумная компания. Они громко смеялись, о чём-то спорили, постоянно об-

ращали на себя внимание. Только одна девушка вела себя вполне прилично и регулярно одёргивала излишне оживлённых друзей. Красивая, светловолосая, удивительно аристократичная, будто выпала из прошлого века в нынешний и до сих пор не может сродниться с реальностью.

Безобразней всех вела себя девушка с ярко-зелёными волосами. Она раскачивалась на стуле, закинув ноги на угловую тумбу. Отломил кусок булочки и кинула в парня, сидящего напротив неё. Тот попытался поймать съедобный снаряд ртом, но вместо этого едва не упал вместе со стулом на спину. Несостоявшееся падение вызвало новый приступ хохота.

Алексей невольно улыбнулся. Их незамутненное взрослыми проблемами искреннее веселье выплеснулось наружу и зацепило его остров одиночества. Отпало желание смотреть на них свысока и осуждать. На какое-то время смех утих, слышался приглушённый шёпот. Они подозвали официантку, расплатились за свой скудный заказ и покинули кондитерскую. Правда, не прошло и пяти минут, как зеленоволосая особа вернулась.

Сначала Алексей решил, что она что-то забыла. Но девушка обошла столик, который они занимали ранее, и двинулась в его сторону. Замерла, держась за спинку стула. Вперив в него светло-карий взгляд, рассматривала излишне пристально, с какой-то въедливой тщательностью, без тени смущения или симпатии.

Алексей опустил чашку с кофе и ответил на её бесстыжее внимание таким же прямым взглядом. Несмотря на ново-зелёные волосы, торчащие в каком-то беспорядке, девочка оказалась симпатичной. По бледной коже рассыпались редкие веснушки, скопившиеся в основном на носу, украшенном пирсингом-септум². В прядях сверкнули серёжки, в левом ухе – три колечка. На предплечье руки, что лежала на спинке стула, из-под рукава выглядывала татуировка в виде парада планет.

Девушка резко отодвинула стул и села. Не представилась и не поздоровалась. Подтянула к себе его чашку кофе и отпила. Выглядело это бесцеремонное вторжение не просто невоспитанностью, а крайней степенью наглости. Но её, кажется, это не смущало, правда, дрожащие пальцы выдавали волнение, а щёки заметно заалели. Не так легко ей далось это безобразие, как она пыталась показать.

Нелька готова была провалиться сквозь землю от неловкости ситуации, в которую сама себя и загнала. Ох, и отомстит она потом Ялицким за их фантазию, а Витке за то, что выбрала именно этого посетителя кафе. Нелька узнала его сразу, эти зеленющие глаза невозможно забыть. Неудивительно, что подруга выбрала этого мужчину, он притягивал взгляд, завораживал, его хотелось рассматривать и изучать.

Нелька сделала глоток и едва не выплюнула горький кофе.

---

² Пирсинг септум – прокол центральной носовой перегородки между ноздрями.

Кто вообще пьёт такую бурду? Химикат какой-то для выведения пятен и отмывания унитазов. Официантка с подносом приблизилась к их столику, по Нельке скользнула недоумённым взглядом, молча оставила на столе тарелку с выпечкой и креманку с мороженым. Её-то Нелли и подвинула к себе. Взяла ложечку и воткнула в холодный шарик. Мужчина продолжал хранить молчание, но взгляда не отрывал, смотрел на неё, слегка приподняв брови. Нелька вздохнула и поднесла ложку ко рту. За пару минут опустошила посудину, только каким-то чудом умудрившись не подавиться под прицелом зелёных глаз. Облизав ложку, она положила её на блюдец и придвинула штрудель.

Алексей наблюдал, как исчезает заказанная им еда с лёгким недоумением и любопытством. В подобную ситуацию он попал впервые. Девчонка выглядела вполне уверенной и довольной жизнью и ела его завтрак с явным удовольствием, нарочно неторопливо. Нанизывала на вилку кусочек десерта и медленно отправляла в рот. Слегка зажмуриваясь, демонстрировала блаженство.

Алексей подвинул к себе чашку с отвергнутым горьким кофе, сделал глоток и посмотрел на пустую тарелку с разводами карамельного соуса.

Нелли отложила вилку, вытерла губы салфеткой и широко улыбнулась. Штрудель она прикончила с трудом: объелась ещё на стадии поглощения мороженого. Мужчина молчал, не обвинял её, не бесновался, наоборот, едва заметно улы-

бался, правда, на дне его глаз всё равно притаилась печатать, та самая печаль, которую она смогла изобразить на портрете. Его шевелюра не была тёмной, как показалось в прошлую встречу, когда он промок под дождём. Назвать его блондином тоже было бы неточно. В русых волосах проскальзывали светлые, почти белые пряди. Неравномерно, как бывает при окрашивании, а как-то бессистемно, где-то плотнее, где-то одинокими пятнышками. А ещё Нелли поняла, что он точно не её ровесник, вокруг глаз обозначились мелкие морщинки, да и само лицо с тёмной щетиной на подбородке, широкий разворот плеч принадлежали не юноше, а мужчине. Это открытие немного смутило Нелли.

Она поднялась и вышла из-за стола.

– Спасибо.

– На здоровье, – откликнулся Алексей, ожидая хоть каких-нибудь объяснений. Не дождался.

Она аккуратно задвинула стул, задорно улыбнулась и, взмахнув зелёной шевелюрой, вышла из кафе. На тротуаре снова обернулась, подмигнула ему и послала воздушный поцелуй.

Алексей сидел перед пустыми тарелками с ополовиненной чашкой кофе и недоумевал. Наглая особа только что позавтракала за его счёт, а он её не остановил, даже замечания не сделал. Просто смотрел, как она ест.

4 глава. Комсомольский

В воспоминаниях Алексея о юности в Комсомольском всегда присутствовала стойкая горечь. Казалось, пасека и всё, что с ней связано, постоянно лишали свободного времени. А вот детство осталось в памяти пёстрыми всполохами и ощущением счастья. Ребёнку, особенно мальчишке, Комсомольский представлялся настоящим раем, лучше любого Неверлэнда³.

Вишнёвый сад, посаженный ещё дедом, выходил к Зелёному озеру, а за ним начинался небольшой, но самый настоящий лесок, где водились тетерева и зайцы, а зимой из глубины почерневшего леса раздавался волчий вой. Главной достопримечательностью по праву считался Лешачий овраг, в котором, по слухам, сгинули неопытные охотники и заплутавшие грибники, съеденные духом леса. Местная страшилка периодически подтверждалась сводками о пропавших людях и не вернувшихся с пастбища коровах.

Для детей Комсомольский был сбывшейся мечтой о раздолье с привкусом опасности. Но в глазах старшеклассников посёлок выглядел не так привлекательно. Цивилизация здесь немного наследила, оставив после себя свет, воду и газовое отопление, но ночные клубы, сетевые магазины и по-

---

³ Неверлэнд – вымышленная страна, в которой жил Питер Пэн.

пулярные кафе быстрого питания сюда не добрались. Досуг не отличался разнообразием. У девочек был выбор между библиотечным кружком и танцевальным. Мальчики занимались в единственной спортивной секции при школе – карате, а на заросшем стадионе – чем-то похожим на футбол. Тренера не было, справлялись сами. Так как правила трактовали по-своему, футбол периодически переходил в тренировку по восточным единоборствам, а ими, за неимением выбора, владели многие.

Когда Алексей заканчивал десятый класс, в Комсомольском случился кризис. Люди повально уезжали, продавали дома, а если не удавалось избавиться от жилья, просто заколачивали окна и двери до лучших времён. Половина посёлка просто вымерла, превратившись в кладбище брошенных домов. Природа воспользовалась беспечностью людей и начала наступать на цивилизацию, превращая Комсомольский в сказочную позабытую страну на краю света. Не верилось, что всего в двадцати километрах находится город, куда и подались жители исчезающего посёлка.

Родители Алексея будто и не заметили перемен. Городские блага их совершенно не интересовали. Им хватало своего обширного подворья, вишнёвого сада и пасеки. Крепкий каменный дом на высоком фундаменте заканчивали строить, когда Алексей ходил в начальную школу. А мансарда так и осталась в черновой отделке, обработанные олифой балки и шершавый деревянный пол не знали покраски.

Имея возможность наблюдать рассвет на берегу озера и дышать ароматным чистым воздухом, родители Алексея чувствовали себя вполне счастливыми.

Алексей хорошо запомнил день, когда его впервые посетила мысль о том, чтобы сбежать из Комсомольского.

Отец разбудил его рано. Ваня ещё лежал в кровати, накрывшись одеялом с головой, и бухтел, что никуда не поедет и будет спать все выходные.

Евгений Прокопьевич осуждающе покачал головой.

– Опять допоздна по посёлку шатался или в заброшках сидел?

Алексей умылся и оделся под родительское ворчание. Ваня никогда не вставал без борьбы, всегда отвоевывал себе пару минут, а когда поднимался, ещё полчаса напоминал примитивного голема, не способного мыслить и разговаривать.

Алексей зашёл на кухню.

– Доброе утро, мам.

Полина Степановна сосредоточенно отсчитывала капли корвалола, поэтому ответила не сразу. В комнате витал узнаваемый дух лекарств, который Ваня называл запахом пенсионеров. Их родители пенсионерами и были. Ваню они долго вымаливали у Бога, а когда уже смирились, что детей у них не будет, в сорок три года Полина Степановна забеременела. Лёша родился спустя пару лет и был ещё большей неожиданностью. Так получилось, что между детьми и родителями оказалась пропасть даже не в одно поколение. Становясь

старше, Лёша начал замечать, что у его одноклассников мамы выглядят моложе, а холодильник не похож на филиал аптеки.

– Доброе утро, Алёша, – Полина Степановна выпила капли, чуть скривилась. – Отец уже в саду.

Алексей быстро позавтракал и переоделся для поездки, вышел на улицу. На ступеньках чуть приостановился, вдохнул свежий будоражащий воздух. Казалось, солнечный свет такой плотный, что его можно есть, Алексей на самом деле открыл рот и высунул язык. Во рту стало горячо и сладко.

Весна была поздней, только пару дней назад из омшаника вынесли улы, чтобы пчёлки смогли делать первые облёты в поисках одуванчиков и яблоневого цвета. Вишнёвый сад чуть с опозданием приоделся в бледно-розовый наряд и благоухал на все подворье. На ночь пчёлам ещё давали подкормку, но они деловито и активно отстраивали новые рамки и разведывали расположение медоносов. Поилки заполняли тёплой подсоленной водой.

За забором прошуршали шаги, Алексей открыл глаза, почувствовав себя неловко, будто его застали за чем-то слишком личным. Нашёл взглядом соседку и одновременно одноклассницу.

– Привет, Ириш.

– Доброе утро, – она смотрела на него пристально. Последнее время завела себе такой взгляд, от которого хотелось спрятаться. А так как жила через забор, на нервы это дей-

ствовало еще сильнее. – Идёшь на день рождения к Жорику?

Алексей нахмурился, бросил взгляд через плечо на открытую дверь.

– Не могу. Просто не успею. Мы за пакетами едем в Сосновку, а потом будем пчёл переселять. Я папе обещал, ещё до того как Жорик затеял празднование в городе.

Ира заметно расстроилась. Без Лёшки эта гулянка ей и даром была не нужна. Сосед недавно стал объектом её первых неловких попыток соблазнения, но словно не догадывался, насколько нравится девчонкам, а ей в особенности.

– А без тебя не справятся? Пусть Ванька помогает.

– Ванька тоже едет. Отец рассчитывает осмотреть пасеку продавца, побеседовать. Он раньше не имел с ним дела, хочет убедиться, что пчёлки хорошие, чистокровные и здоровые. Затейл купить тридцать пакетов. А потом пчёлам ещё нужно будет сделать облёт, и каждую семью переселить в дадан⁴. На это точно весь день уйдёт. Хорошо, если управимся до вечера.

– Пусть моего возьмёт в помощь. Он бы тоже прикупил парочку пакетов. Если что, мы в четыре выезжаем от дома Жорика. Его отец повезёт нас на своей машине. Может, успеешь?

Алексей вздохнул. Ему хотелось в город на празднование именин в кафе, но отказаться от поездки в Сосновку он не

---

⁴ Дадан – сокращённое название улья Дадана-Блатта, очень популярного у пчеловодов в России.

мог. Дал слово отцу и понимал, что его помощь необходима. С его стороны отказ выглядел бы малодушием.

– Нет, Ир. Не могу. Как-нибудь в другой раз.

– Ну а завтра? Завтра же воскресенье, – не сдавалась де-вушка. – Нельзя на день позже поехать? И всё успеешь: и на день рождения, и в Сосновку.

Алексей взлохматил двухцветную шевелюру.

– Завтра мы в церковь идём.

– А-а-а, понятно, – протянула Ира.

У взрослых развлечений в Комсомольском было ещё меньше, чем у молодёжи, и самым популярным стала религия. Для многих воскресные служения были незыблемой традицией, привычкой и возможностью обменяться новостями. Полина Степановна этот обычай чтит. Алексей вырос с осознанием того, что Бог видит каждый его шаг, читает в его душе самые сокровенные мысли, в том числе самые неприличные. А их в последнее время стало очень много. Это ощущение пристального наблюдения его жутко нервировало, он так и не смог перенять набожность родителей и соблюдал посты только для видимости.

Из дома вышел Ваня, широко улыбнулся соседке. Для него симпатия девчонки к младшему брату не была секретом, он уже не раз подшучивал над Ирой по этому поводу.

– Привет. Ты тут с ночи, что ли, Лёху караулишь? Маньячка.

Ира покраснела до самой светлой чёлки, гневно сверкнула

глазами.

– Тебя забыла спросить, можно ли мне около своего забора ходить. Это наш участок, между прочим. Где хочу, там и хожу.

Ваня подмигнул Ире. Дразнить соседку ему явно нравилось.

– Так и ходи подальше, нечего под нашими окнами шастать. Вдруг такое увидишь, что потом во век не развидишь.

– Дурак! – фыркнула Ира и ушла домой, хлопнув дверью. Лёшку она на самом деле караулила, оттого и было так обидно.

В течение дня Алексей не единожды возвращался к мыслям о дне рождения одноклассника и впервые задумался о том, что пасека отнимает всё свободное время. Поначалу эти мысли просто гудели не хуже пчёл, которых он переселял в новый дом. Вроде несложная работа, даже интересная, но почему-то уже не первый раз пасека лишала его развлечений, и это вызывало раздражение.

Запустив три порции дыма в леток, Алексей ожидал, когда пчёлы наберут мёд и им станет не до него. Времени на невесёлые мысли, к сожалению, было достаточно. Отец последнее время всё чаще напоминал, что это всё пасечное богатство, дом и сад, достанутся ему. И чем чаще Алексей это слышал, тем больше хотел удрать из посёлка.

Он аккуратно открыл крышку, убрал подушку, снял прилипшую холстину. И снова взял дымарь. Почему-то вспом-

нилось, как его удивило, что дым вовсе не успокаивает пчёл, наоборот, пугает возможностью пожара. Насекомые срочно набирают мёд, чтобы спасти свои запасы, подкручивают тельце и не могут жалить.

Пчелопакеты отец одобрил, качественные, с хорошим рас-
плодом и молодыми матками. В этом году их поместили зе-
лёной краской. А вот в их ульях после зимовки не досчита-
лись двух маток, и ещё одна была явно больная, скорее все-
го, повреждённая. Дополнительная проблема, которую сроч-
но нужно решать.

Среднерусские пчёлы, давно обитавшие в даданах, отли-
чались агрессивностью, кто знает, будут ли такими же кар-
патские, раньше они не держали эту породу. Евгений Про-
копьевич решил немного обновить пасеку, купил два пакета
с новой породой и рассчитывал на помощь сыновей.

Ваня переселял семьи с другой стороны сада, устанавли-
вая даданы на место ящиков с пчелопакетами, подпевал му-
зыке в наушниках и выглядел вполне довольным действи-
тельностью. Алексей даже устыдился своих мыслей о побеге.
Аромат цветущих деревьев стоял одуряющий, и выглядело
это необыкновенно красиво, даже нереально, как в фильмах
с навороченной графикой, где краски казались неестествен-
но яркими.

Алексей опустил рамки в улей и вернул на место крыш-
ку. Оглядел вишнёвый сад и почему-то снова вспомнил об
опущенном празднике в кафе. С этим раздражением нужно

было что-то делать, он сам себя опасался в таком состоянии: взвинченном и нервном. Казалось, что в любой момент он вспыхнет и наговорит слов, о которых, естественно, потом пожалеет. Вспышки раздражения накрывали его всё чаще, он злился на самого себя, на родителей и на весь Комсомольский.

В августе, когда основной медосбор был окончен, и снова пришлось подкармливать пчёл, Евгений Прокопьевич затеял сооружение бани. Алексей увлёкся проектированием простенького строения, да и сам процесс строительства захватил обоих братьев. Планировали закончить к холодам, чтоб зимой, по всем правилам, после парилки прыгать в снежный сугроб. Даже Ваня перестал ходить на стадион и в заброшки, увлёкся новым развлечением.

День выдался душным и влажным, намечался дождь. Алексей стянул футболку, вытер ею вспотевший лоб и засунул за ремень джинсов. Кожа покрылась мелкой керамической пылью от плитки, которую он распиливал уже несколько часов. Отец решил обустроить баню со всеми удобствами, кроме самой парилки, планировалась современная душевая. А вот с плиткой они прогадали, купили красивую, но крупную. Часть пришлось пилить, чтобы она встала вровень со стеной.

С соседнего участка слышалось хихиканье. Алексей обернулся и увидел Иру, сидящую на краю сетчатого забора. Чуть в стороне расположилась ещё одна девушка, смутно

знакомая и очень симпатичная. Волосы светлые с рыжиной, но кожа без веснушек. На забор она не полезла, выглядывала из-за края, стоя на полене.

– Привет, – он поздоровался первым, смахнув пряди с лица.

Девушка явно была неместная и неприкрыто это демонстрировала, надела босоножки на каблуке, короткую юбку и топ, оголяющий живот и плечи. Не самая удачная одежда для посёлка.

– Привет.

Она присмотрелась к Алексею и решила, что местный красавчик с мелированными волосами вполне подходит для летнего романа.

Ира поймала взгляд подруги и раздулась от удовольствия: сосед, о котором она столько ей рассказывала, произвёл впечатление. А потом перехватила взгляд Алексея и расстроилась: Алёнка его явно заинтересовала. Зелёные глаза сверкнули, он улыбнулся чуть смущённо, но искренне.

– Меня зовут Алёна, – девушка приподняла волосы. – Жарко сегодня. Как вы только терпите такую духоту без кондиционера?

Алексей тяжело сглотнул. Он впервые испытал такое сильное желание. Неприличные мысли, о которых не следовало знать Богу, тут же всколыхнулись в крови неутомимыми гормонами. Неприкрытого флирта девушки он и не заметил, сосредоточился на своих ощущениях.

Алёна улыбнулась, решив, что пребывание в посёлке будет не таким уж и скучным, как ей представлялось. Ира кипела и негодовала: двоюродная сестра лишила её даже призрачной надежды на взаимность со стороны соседа. И она сама выкопала могилу для своей безответной любви.

Впервые Ира видела Лёшу таким потерянным и неловким. Он пытался понравиться Алёнке, каждое утро начинал с подтягиваний на турнике прямо напротив окон их спальни, а строительство бани стало для него поводом работать без футболки и демонстрировать свою гибкую спортивную фигуру. Ира терпела почти неделю, пока не увидела, что Алёнка от заигрываний перешла к активной стадии и напрашивается на приглашение к Зелёному озеру.

Разливая мёд по баночкам, она решила на откровенный разговор с двоюродной сестрой.

– Лёшка тебе нравится?

Алёна неопределённо пожала плечами.

– Он красивый. Удивительно, что в вашей дыре кто-то знает, что такое мелирование. Единственный, кто из твоих друзей хоть что-то понимает в моде.

Ира фыркнула.

– Ты из-за волос на него запала? Он не красит волосы. У него с детства такая странная шевелюра, и у Евгения Прокопьевича такая же, но он сейчас почти седой, и этого не видно.

Алёна удивлённо замерла. Один из явных плюсов Алексея для неё только что отвалился, как хвост у головастика.

– Впервые такое вижу. Это болезнь какая-то?

– Вряд ли.

Ира не стала уточнять, что у соседа есть ещё один секрет. Странная расцветка у Лёши не только на волосах. Однажды рано утром она подглядывала за ним на озере и увидела, что на смуглой ягодице неровное пятно более светлой кожи, напоминающее по очертаниям Италию.

– Алён, ты же уедешь скоро, зачем тебе это надо?

Девушка задумалась и ответила искренне. Сама удивилась, что исчезло желание юлить.

– Это так прикольно, что он не понимает, насколько красив, не осознаёт этого. Такой смешной и милый, когда старается понравиться.

– Тебе это прикольно? – Ира оскорбилась за Лёшу.

– Пройдёт совсем немного времени, и он поймёт это, уедет из вашего захолустья, и тогда девчонки накинутся на него. Представляю, каким он станет аппетитным через пять лет. Но уже не будет таким наивным и чистым. – Алёна наклонилась над столом, поманила сестру пальцем. Дождавшись, когда Ира приблизится, доверительно сообщила: – Я хочу быть у него первой.

Ира тут же покраснела от одной мысли о том, что Лёша будет с Алёнкой заниматься сексом. Даже ревность отступила на второй план.

– А с чего ты решила, что он... ну, это... ни с кем? Всё-таки ему шестнадцать.

Алёнка громко рассмеялась.

– Ну ты даёшь! Это стопроцентно видно, может, и нецелованный ещё. Такой лапочка.

Ира печально вздохнула. У неё бы точно не хватило смелости на откровенную атаку. От одной мысли о поцелуе с Лёшей она задыхалась и пылала, как шаровая молния.

Уже через день после беседы Алёнка получила приглашение на прогулку к Зелёному озеру. В плотных синих сумерках стрекотали кузнечики, где-то вдалеке слышался лай собак и нестройное пение под гармонь. Алена потянула Алексея за руку, заставляя опуститься на траву.

– Слышишь?

– Что? – он смотрел на её оголённые коленки и слышал только шум в ушах от бешено колотящегося сердца.

– Баян, что ли?

– А, это. Да, аккордеон. Я тоже умею.

Алёна удивлённо уставилась на Алексея.

– Серьёзно? Офигеть. Может, ты и лапти плести умеешь? – она покровительственно усмехнулась. – Ты меня поражаешь. Это потому что у тебя родители такие старенькие. Не мама и папа, а бабушка с бабушкой.

Алексей неловко улыбнулся.

– Они и есть бабушка с дедушкой. На самом деле моя мама родила меня и уехала в город, – озвучив придуманную версию, Алексей сразу же пожалел, что солгал. Почувствовал себя подлым, будто отрёкся от родителей.

Алена уже не слушала, к озеру она пришла не для светских бесед. Её ладонь скользнула по бедру Алексея, двинулась вверх и замерла в каком-то сантиметре от ширинки на джинсах.

Он затаился, глядя на тонкие пальцы, его тут же бросило в жар, а тело окаменело в мучительном ожидании следующего прикосновения.

Алёнка не торопилась, нарочно убрала руку, а потом неожиданно положила на его живот и поддела ногтем пуговицу на рубашке.

– Поцелуешь меня?

На вопрос Алексей ответил действием. Не разрывая поцелуя, Алёна опустилась на траву, потянув его за собой. Всё произошло быстро и неуклюже и заняло каких-то пять минут, даже песня под баян не успела закончиться. Если у него девушка и стала первой, то для Алёнки это точно не было дебютом. Они наскоро привели одежду в порядок, не поворачиваясь и не глядя друг на друга. После случившегося обоим было неловко.

– Проводи меня, уже поздно, – попросила Алёна, так и не повернувшись в сторону недавнего любовника. Ей не понравилось его молчание и задумчивость.

На пути к дому оба слушали тишину. Алексей довёл Алёну до калитки, уйти без слов не смог.

– Спасибо.

Алёна удивлённо вскинула брови.

– Спасибо? Ты уверен, что должен благодарить?
Алексей смутился.

– Извини, я не знаю, что говорить. Не хотел тебя обидеть.
Она неожиданно засмеялась.

– Какой ты смешной, Лёшка. Поцелуй меня. Этому ты здорово научился, на остальное уже нет времени. Завтра я уезжаю.

Алексей отреагировал на просьбу с опозданием, всё никак не мог отойти от ощущений, испытанных на берегу. Это было так необычно и так волнующе, что в нём тут же вспыхнуло едва задремавшее желание. Поцелуй получился страстным, Алена растерялась и с трудом его оттолкнула.

– Полегче.

– Извини, – тяжело дыша, Алексей отстранился.

Алена закрыла калитку, но ушла не сразу. Сложила руки на краю забора и лукаво сощурилась:

– Обещай, что не забудешь меня.

– Не забуду, – легко пообещал Алексей. Лгать не было необходимости, вряд ли он забудет первый свой опыт, пусть и не очень удачный.

– Влюбился, что ли, в меня? – немного высокомерно поинтересовалась Алёнка.

Он задумался на несколько секунд, прислушался к собственным чувствам. Лгать не умел и не считал нужным, иногда проявлял излишнюю прямоту.

– Нет. Но ты мне очень нравишься.

Алена изумленно выдохнула и отступила в глубь сада. Вроде ничего обидного Лёшка не сказал, но её охватила такая досада и злость, что захотелось вцепиться в его красивое лицо.

– Идиот!

Утром Алексей пытался поймать Алёну. Всю ночь ему не давала покоя собственная ложь насчёт родителей. Соседний двор наполнился гомоном незнакомых голосов, Ира бродила по саду злая, с ним не поздоровалась, Ваньке нагрубила. Алёну он поймал, когда она стояла у распахнутых ворот, вся такая городская, далёкая и неприступная. Её отец укладывал сумки в багажник, переговаривался с Филипчуком. Увидев Алексея, Алёнка нарочно отвернулась и с наигранной весёлостью заговорила с мамой.

– Алён, можно тебя на пару слов?

Она оглянулась через плечо, оценила уставшее помятое лицо Алексея и сжалась.

– Ладно.

Отошла к скамейке, но садиться не стала, приготовилась выслушать о том, что он был неправ, и надменно принять признание в любви.

– Что ты хотел?

Алексей сначала опустил взгляд, а потом резко поднял его, посмотрел пристально, зелень глаз потемнела от расширенных зрачков.

– Я солгал. Они мои родители, а не бабушка с дедушкой.

И мне наплевать, что думают другие, они замечательные.

Алёна опешила. Эта правда её совершенно не интересовала. Тоже мне великая тайна. Не на такое признание она рассчитывала.

– Ты за этим меня позвал?

– Да, – отозвался Алексей немного растерянно. – Жаль, что ты уезжаешь, до сентября ещё целая неделя.

Алёна перекинула волосы через плечо, нервно затеребила выбившуюся из прически прядь. Несколько минут пытливо разглядывала лицо Алексея, родинку справа на подбородке и светлые вихры на макушке.

– Я же видела, как ты смотрел на меня, как выпендривался на турнике. Неужели не влюбился? Скажи честно.

– Ты очень привлекательная, в нашем посёлке таких девчонок точно нет, – осторожно начал он. – Но... не влюбился. Иначе я не смог бы сейчас об этом так спокойно рассуждать. Мне кажется, любовь должна быть как удар молнии, как девятибалльный шторм, чтоб голову сносило начисто и душу рвало в клочья.

Алёна печально вздохнула.

– Звучит, если честно, просто ужасно. Больше похоже на безумие. Вот увидишь, когда влюбишься, ты свою любовь и не заметишь, бывает, она приходит тихо.

– Это вряд ли.

5 глава. ЖанЭд

В квартиру Алексей вернулся нарочно ближе к вечеру, надеялся не застать друга, но Костя вместе с Лерой ожидали его на кухне.

Он едва успел разуться, как они на него набросились.

– Поменяй футболку и идём в клуб.

– Я в тренажёрку хотел... – отмахнулся Алексей. – И что не так с моей футболкой?

Лера оглядела Лёшу, непроизвольно улыбнулась и поспешно спрятала эту предательскую улыбку от своего парня.

– Она мятая.

– Утром не успел погладить.

Костя подтолкнул Алексея в сторону комнаты, что стала его временным убежищем.

– Переодевайся. Пропустишь тренировку, ничего страшного. Воскресенье для того и нужно, чтобы немного развеяться и прополоскать мозги, завтра сходишь в зал, у тебя всё равно свободного времени целый вагон.

Алексей развернулся спиной и нехотя стянул футболку через голову. Лера замерла, разглядывая зигзаги тату, начинающиеся от шеи и уходящие за пояс джинсов. Линии повторяли анатомическое строение мышц, но при этом выглядели как замысловатый орнамент. Она невольно залюбовалась фигурой Алексея и тут же разозлилась на саму себя. Костя

вполне мог увидеть её пристальный взгляд, понять неправильно и открыть шлюзы ревности.

Именно Костя задумал этот поход в клуб, ей же досталась обязанность раздобыть пару их квартиранту. Лера не сомневалась, что никто из её незамужних подруг не отвергнет такое знакомство, вцепятся в Лёшу руками и зубами. А вот понравятся ли ему предложенные спутницы? На этот вопрос она не знала ответа. Он не производил впечатления бабника или самоуверенного циника, но и простаком не выглядел. К тому же, естественно, догадывался, что нравится женщинам.

Лера никак не могла решить, кто ему больше подойдёт: смешливая разговорчивая Валя или романтическая утончённая Светлана. В итоге пришла к выводу, что лечение сексом Алексею сейчас нужнее всего и позвала страстную, прямолинейную Катюшу. Пусть попробует вернуть ему улыбку и прогнать из глаз тоску, пусть даже таким примитивным способом.

Алексей не оценил стараний Леры скрасить его одиночество. Да и какое одиночество может быть в клубе, где от музыки вибрируют внутренности, а воздух пропитался ароматами духов, дезодорантов и алкоголя. В мигающем свете его спутница выглядела немного зловеще, тени двигались по лицу, выхватывали ломанные движения, словно в фильме ужасов, где какая-нибудь восставшая тварь рывками приближалась к жертве. Катя почти сразу поняла, что с незнакомым красавчиком ей ничего не светит, и ввинтилась в толпу тан-

цующих. Иногда оглядывалась, проверяя, не сделал ли коктейль его дружелюбнее.

Почти час Алексей потратил на притворство. Натянuto улыбался друзьям, поддерживал тосты и даже кивал в такт музыке, постепенно раздражаясь всё больше. Прошло то время, когда вечера в шумном клубе действительно доставляли удовольствие. Алексей горько хмыкнул: вот так, видимо, и приходит старость. Хотя он и раньше предпочитал более тихий отдых и в принципе танцевать не любил, хотя не упускал возможности посмотреть, как это делают другие. Даже в школьную пору медленные композиции ему нужны были скорее как повод познакомиться поближе и обнять девушку, создавая видимость танца.

Лучше бы он потратил это время на работу. Из-за его длительных прогулок зависло три заказа для свадебных салонов и один для фотостудии. Дальше откладывать уже некуда, завтра придётся засесть за макеты. Тем более он пообещал матери оплатить помощь Филипчука. А деньги, к сожалению, из воздуха не появятся.

Мигающий свет снова выхватил лицо Катюши и её руки, скользящие по короткому облегающему платью. Симпатичная девушка и без комплексов, но она не разбудила в нём ни одной эмоции. словно в подтверждение безразличия, он широко зевнул и откинулся на спинку дивана.

Лера устала делать вид, что всё хорошо и вечер удался. Тронула Лёшу за локоть.

– Можем все вместе переместиться в другое место.

Алексей качнул головой.

– Оставайтесь. Просто я сейчас не самая подходящая компания для веселья. И не выспался, – добавил он в оправдание.

Костя услышал разговор и нахмурился.

– Гостеприимные же мы будем друзья, если отпустим тебя одного.

Алексей встал.

– Я бы хотел сейчас побыть один. Пройдусь немного. Потом такси вызову.

– Ну ладно, – нехотя согласился Костя. – Не броди долго.

Оказавшись на улице, Алексей вдохнул с удовольствием. После дождя воздух стал влажным и тяжёлым, осел на коже крупной росой, пропитался озоном. Мысли тут же свернули в привычное русло к мучительной дилемме: ехать в Москву или нет? Возвращаться в Комсомольский или в Питер, где он и прожил последние десять лет?

Размышляя, он побродил немного по ночному Краснодару, останавливаясь около уличных музыкантов и художников. Проголодался и заглянул в кофейню. Терпкий вкус кофе напомнил об утренней странной девушке, лишившей его завтрака. Он невольно улыбнулся. Что это всё-таки было? Может, новое развлечение у подростков: поесть на халяву?

Второй раз за вечер он поймал себя на мысли, что думает о своём возрасте. Неужели тридцать три года такая страш-

ная цифра, что пришло время поглядывать на молодёжь несколько высокомерно и добавлять к фразам «а вот раньше...»? Он резко остановился, внезапно осознав, что это ведь то самое, что поставило непреодолимый барьер между ним и родителями – пропасть в целое поколение. А ведь и правда, о чём ему говорить с современными подростками, даже не подростками, а студентами? Не о чем. Старые диски не вставляются в разъём для флешки. Нет у них точек соприкосновения: ни общих тем, ни интересов.

Алексей вызвал такси. Уже опустившись на мягкое сиденье, почувствовал, что устал и вполне может заснуть в машине. Повернулся к окну, чтоб развлечь себя разглядыванием города. С заходом солнца Краснодар не засыпал, одевался в яркую иллюминацию и манил пройтись по улицам. Правда, дальше от центра город напоминал разросшуюся деревню, где встречалось все меньше атрибутов современной цивилизации. Недалеко от кафе, где состоялось «сумасшедшее чаепитие» взгляд Алексея выхватил зеленую шевелюру. Его утренняя знакомая шла по тротуару, размахивая рюкзаком. В другой руке она держала связку черных атласных лент.

Такси приостановилось на светофоре, и Алексей, прикинув к стеклу, чуть сощурился. Без очков он видел нечётко, но всё же смог разглядеть обрывок надписи на одной из лент: «От скорбящих род...». Он резко отпрянул, поняв, что ленты не праздничные, а траурные. Видимо, странное поведение девушки объясняется трагедией в семье, а он уже успел

осудить всех подростков разом. У человека горе, а в таком состоянии люди способны на самые неадекватные поступки. Ему даже стало неловко за свои мысли.

Нелька не почувствовала пристального взгляда, сосредоточилась на музыке в наушниках и выглядывании в тёмных подворотнях вампиров и ещё какую-нибудь нечисти, которой положено там водиться и поджидать таких вот запоздалых и беспечных путниц. ЖанЭд не хотела отпускать её так поздно, Нелька несколько раз напомнила, что ей восемнадцать, а отец, который будет пострашнее любого вампира, ещё не вернулся из рейса. Два квартала она вполне способна преодолеть без приключений.

В воскресенье «Дива» не работала, и Нелька помогала ЖанЭд в её салоне ритуальных услуг. За восемь лет своего существования он так и не обзавёлся названием, хотя ЖанЭд три раза заказывала вывеску. Первый вариант «Последний приют» так и не увидел свет, второй – «Стикс» провисел два дня, третий – «Чёрный тюльпан» сорвала сама ЖанЭд, едва увидела, что ей наваяли рекламщики. Огромный цветок, лепестки которого были стилизованы под крышки гробов. В итоге она заказала вывеску с лаконичной надписью «Агентство ритуальных услуг» и успокоилась.

За годы существования на этом мрачном, но востребованном рынке салон разросся и протянул щупальца сотрудничества к нескольким кладбищам и гранитной мастерской. Похоронное бюро ЖанЭд теперь включало в себя основное

здание, где продавались все ритуальные товары, два цветочных магазина и кафе, где можно было организовать поминки. ЖанЭд сама руководила бизнесом, не доверяя кассу бухгалтерам. Умудрялась везде поспеть и кого нужно отчихвостить. Свою глубоко запрятанную и отрицаемую перед всеми тягу к творчеству реализовывала через создание венков из искусственных цветов. Нелли чаще всего помогала именно в этом, иногда занималась уборкой в цветочном магазине.

За спиной Жанну Эдуардовну называли гробовщицей, откровенно побаивались её пронзительного взгляда и раскатистого басовитого голоса. ЖанЭд отличалась резкостью в суждениях, не умела льстить и прогибаться под обстоятельства, но те, кого она впускала в своё огромное сердце, навсегда получали от неё индульгенцию за любой грех.

За украшением заготовки из проволоки Нелли проболталась ЖанЭд об утреннем споре.

Жанна Эдуардовна и не подумала ругать за нахальство или глупость, рассмеялась так, что задрожали крышки гробов у стены.

– Ну ты и везучая, Кузя. А если бы какой-нибудь псих попался или просто жмот?

Нелька прикрутила пластиковую гвоздику и пожала плечами.

– Спор есть спор. Только я не ожидала, что у этого красавчика такая выдержка. Думала, он сдуется ещё на кофе, а он весь завтрак позволил сожрать. Я чуть не лопнула.

– Небось ты сама этот спор и придумала – генератор хренотени.

– Придумала я. Но проигрывать не собиралась. Так получилось. А Виталик выбрала жертву. Красивого мужика, кстати, выбрала. Рисовательного.

– Какого?

– Рисовательного. Таких, как он, интересно рисовать.

– И как же ты это разглядела? Тебе же Нодар всю реальность застилает.

– А Нодар, кстати, не рисовательный. Он обожательный.

– Кузя, ты тупица. Сколько можно по нему слюни пускать? Найди себе уже нормального мужика, хоть этого – рисовательного. Уже пора отсчёт ошибок молодости вести и делать зарубки на спинке кровати, а ты всё вздыхаешь по никакущему Нодару.

– Да ну вас. Виталик тоже считает, что он никакой.

ЖанЭд на мгновение задумалась. Сказала уже совсем другим голосом:

– Хоть в чём-то мы с ней сходимся. Что она там думает? Она же ничего мне не рассказывает. Куда поступать собралась?

Нелли не хотелось влезать в непростые отношения Колесниковых. Несмотря на разницу в возрасте, дружила она именно с ЖанЭд, к Виталине же просто привыкла. Нельке и Ялицким такой якорь здравомыслия был просто необходим. Именно Вита останавливала их разбушевавшуюся фантазию

и напоминала, где начинаются границы законов.

Как у такой прямолинейной и грубоватой Жанны Эдуардовны родилась рассудительная дочь, от которой ни разу никто не слышал бранного слова, интересовало всех, кто сталкивался с их необычной семьёй. Этот феномен стоило бы рассмотреть на государственном уровне. Нелька подозревала, что разгадка кроется в генах отца, которого никто не видел, как и спортивную обувь на ногах Виталины. ЖанЭд не сдерживала эмоции и не умела хитрить. Разъярённого быка остановила бы одним взглядом, но собственную дочь опасалась и одновременно обожала до безумия. И, к сожалению, совершенно не понимала.

6 глава. Вороны

С того дня, как защитила детей от тирании Ведьмы и позволила называть себя ЖанЭд, Жанна Эдуардовна начала здороваться с Нелькой за руку, по-взрослому, угощая леденцами монпансье, добытыми из глубокого кармана брюк. А вот с Виталиной дружба не завязалась. Та отличалась редкостной рассудительностью и самодостаточностью. Ей хватало громкой мамы, заполняющей всё пространство вокруг своей масштабной личностью.

Детсадовская группа практически неизменным составом перешла в первый класс. Нелька с удивлением обнаружила, что она старше всех в параллели. Из-за маленького роста родители отдали её в школу в восемь с половиной лет. Она и сейчас не отличалась богатырскими габаритами, но уже не стояла на физкультуре в конце строя, сдвинулась на два человека вправо.

Почти сразу у Серёжи появился хвост в виде младшего брата. Болезненный Толик часто находился дома на лечении убойными количествами мёда и малины. Как только у него начиналась аллергия на сладкие «лекарства», он вымаливал у Серёжи возможность сопровождать его на прогулке.

В очередной раз Толик отдал свои лучшие фишки за поход с братом в парк. Сергей шёл впереди, всем видом демонстрируя досаду на увязавшегося следом брата. Нелька ждала

их в парке, от нетерпения и кусачего мороза подпрыгивала на месте, прятала нос в воротнике куртки.

Сергей приблизился, дёрнул подбородком в сторону Толика.

– Прицепился со мной.

– Пусть будет. Поможет нам строить театр.

Нелька не понимала, почему друг так настойчиво пытается избавиться от младшего брата. Толик не был ни нытиком, ни ябедой и вообще очень напоминал Серёжу, только чуть меньше ростом. Оба смуглые и черноволосые, смешливые и готовые к любой шалости, как щенки-переростки.

Нелька двинулась в глубь парка, махнув рукой.

– Я там такое нашла.

Накануне зима неожиданно напомнила о себе морозом. Ещё днём под ногами хлюпала грязь, на клумбах зеленел неубиваемый непогодой газон, а ночью температура упала ниже нуля, удивив в первую очередь колонию ворон в парке. Они явно не ожидали такой пакости от природы, заиндевели и повалились на землю в самых разнообразных позах, растопылив крылья и вывернув лапы.

Нелька собрала замёрзших птиц под деревьями и уже начала творить из них экспозицию. Пять ворон с разинутыми клювами изображали хор. Нелька расположила их рядом на кустах шиповника, напротив них, на пне, установила дирижёра – ворону с распростёртыми крыльями и поднятой лапой.

Братья оценили размах выставки и включились в игру. Толик вставил в лапу дирижёра ветку, за что получил одобрителный кивок от Нельки.

Они переглянулись и почти одновременно запели переделанную ещё в детском саду песню, имитируя каркающие голоса, будто это и не они поют, а персонажи их театра.

*Расцветали яблони в подвале
Поплыли ботинки над рекой.
Выходила на берег горилла
И кидалась тухлой колбасой.*

Серёжа нашел ворону, замёрзшую в необычном положении: голова, лапа и крыло птицы были повёрнуты в одну сторону. Закоченевший труп тут же определили в полицейского-регулирующего, добавили в картину и других персонажей: хулиганов, скрывающихся от правосудия, ворону-художника и даже супружескую пару, застывшую в миг семейной разборки.

Толик занялся инсценировкой Олимпийских игр. Нервничал из-за того, что никак не попадалась ему птица-судья и бегун-победитель. Вскоре вороны в радиусе пятидесяти метров закончились, пришлось искать их по всему парку.

Братья ушли за порцией новых персонажей, а Нелька осталась приглядывать за их сюрреалистическим театром. Она отошла на несколько шагов назад, оценила, поправила

«дворника» с веткой в клюве, одобрительно кивнула.

Так увлеклась сюжетом, который рождался в её голове, что шагов за спиной не слышала.

– Вы их что, руками трогали?

На тропинке стояла Вита в белой куртке и яркой красной шапке, а в пушистых варежках держала надкусанный батон хлеба. За её спиной стояла ЖанЭд в безразмерном мужском пальто, кажется, реально военном, а не просто в стиле милитари.

Нелька опустила взгляд на свои перчатки.

– Почти.

Вита приблизилась, оглядела экспозицию, не скрывая гадливости на лице.

– А эти что делают в дупле?

Нелька оглянулась на ЖанЭд, чуть замешкалась, но сказала:

– Сексом занимаются.

Вита слегка сдвинула брови, заметно смутилась, а её мама громко рассмеялась.

– Вы думаете, у ворон как у людей? А вообще круто, охренеть фантазия. Витка, гляди, а это что?

– Это хор, – объяснила Нелли, обводя рукой кусты с развешанными на них птицами.

Вита скривилась и покачала головой.

– Безобразное развлечение.

ЖанЭд, не прекращая посмеиваться, рассматривала гале-

рею, переходя от одной сценки к другой. Из-за деревьев показался Серёжа. Он бежал вприпрыжку, сияя искренней радостью.

– Мы нашли ворону с задранным хвостом! Сделаем, типа ей пинка дают.

Толик добежал чуть позже, неся в каждой руке по парочке птиц, размахивал ими, как букетами, держа за лапы. Увидев Виту и её маму, резко остановился, растерялся и стыдливо спрятал ворон за спину.

– Привет. То есть здравствуйте, Жанна Эдуардовна.

Вита перевела взгляд с Серёжи на Толика, потом на Нельку.

– Вы с ума сошли, что ли? Это дохлые вороны.

– Можешь взять любую и придумать для неё историю, – великодушно разрешил Серёжа, а Нелька впервые увидела, как он смущается.

Витка попятилась.

– Нет. Спасибо.

ЖанЭд выхватила двух ворон из рук Толика.

– А я придумала. Смотрите.

Женщина уложила одну ворону в ямку, другую поставила рядом, уперев в ветку.

– Нужно ещё парочку таких, грустных, с постными минами. Будут плакальщицами.

Нелли приблизилась.

– Это похороны, что ли?

– Погребение! – ЖанЭд воздела палец в небо. А что? Сексом они у вас занимаются, пусть идохнут по-человечьи.

– Мам, пойдём домой. – Вита развернулась и направилась к выходу из парка.

– Скучная ты девка, Виталик, – ЖанЭд нехотя поднялась. – Ладно, пойдём.

Толик и Сергей несколько секунд смотрели вслед уходящей матери и дочке, потом одновременно скинули оцепенение и вернулись к оставленному театру.

Нелли отряхнула перчатки.

– И нам пора.

Задор прошёл, забава надоела.

Уже дома, делая уроки, Нелька неожиданно вспомнила шуточные похороны ворон. Задумавшись, не заметила, как принялась рисовать на черновике. Портрет ЖанЭд выглядел скорее карикатурой, но черты её лица, несмотря на гротеск, угадывались, только почему-то на заднем плане за спиной женщины оказался открытый гроб. Осознав, что она нарисовала, Нелли вздрогнула, поспешно накрыла рисунок учебником, немного подумав, положила сверху ещё парочку книг.

Надя отвлеклась от своей тетради, обернулась к Нельке.

– Ты чего гремишь? Таракана придавила?

– Нет. Фигню какую-то нарисовала.

Надя заинтересовалась, встала со стула и приблизилась к пирамиде из учебников.

– Покажи.

– Да ну, глупости.

– Покажи. Что там такое, что ты даже от себя спрятала?

Нелли нехотя сдвинула книги, открывая вид на портрет. Надя несколько секунд рассматривала рисунок, ткнула пальцем в гроб.

– Это что?

– Гроб.

– При чём тут гроб?

Нелли сощурилась, всматриваясь в лицо ЖанЭд.

– Не знаю, я не его рисовала.

Надя наклонилась над столом, упёрлась локтями.

– Нелька, а вдруг ты провидица, ну, типа нарисовала будущее Жанны Эдуардовны?

Она глянула на сестру.

– Надька – дура. Не пугай. Это страшно.

– Нарисуй меня? – попросила Надя.

Нелли резко дёрнулась вперёд, схватила рисунок и скомкала его.

– Фигня всё это. Какая из меня провидица. Это всё из-за ворондохлых. Лучше давай уроки делать, а то папа поругает, что трындим не по делу.

Нелька сделала вид, что не было ни рисунка, ни странного гроба, но забыть не смогла, невольно стала присматриваться к ЖанЭд, выискивая в ней симптомы какой-нибудь смертельной болезни. Рисовать боялась и почти на год забросила карандаши.

Об этом рисунке вспомнила, только когда у ЖанЭд появился свой необычный мрачный бизнес.

7 глава. Кошки драли

– Когда вы уже все заткнётесь и свалите домой?

Нелли громко хлопнула дверью и вернулась к столу у окна. Уже час она пыталась сосредоточиться на уроках, но тесты перед глазами расплывались, карандаши на столе вибрировали в такт музыке, доносящейся из-за стены.

В их квартире отмечался ещё один незапланированный праздник – День испытания почтовых лошадей. В честь диковинного праздника мама организовала соревнования с имитацией скачек по квартире. Сначала было даже весело. Нелли оседлала Сергея, и вместе они поборолись за первый приз – бутылку какого-то странного пойла, судя по всему, адски крепкого и самопального. Пить такую отраву никто из них не планировал, но отказаться от соперничества оказалось выше их сил. Азартность их и сблизила ещё в детском саду, теперь добавляя дружбе авантюрный привкус.

Ужин опять состоял из чипсов и чая, Нелли с тоской вспомнила не случившуюся трапезу у ЖанЭд, там, кажется, гуляш был и пюре. Эх, зря она отказалась. Ялицкие, как обычно, напросились в гости к Нельке. Свобода нравов у Кузнецовых их вполне устраивала. У мамы Виталины хоть и было вкусно и уютно, но под её тяжёлым взглядом в горле застревал кусок, а на любой вопрос хотелось выкрикнуть: «Так точно!» – и вытянуться в струнку.

Отсутствие главы семейства Кузнецовых сопровождалось полным исчезновением в доме нормальной еды. Пока Юрий Михайлович бороздил просторы необъятной Родины, Вера переходила на подножный корм, питалась закуской к основному «блюду» и редко бывала настолько трезвой, чтобы задумываться, что же ест её дочь. За несколько дней до приезда мужа она выгоняла любителей дармовщины, кое-как приводила в порядок себя и квартиру. От невозможности выпить становилась желчной и нервной. По этим признакам Нелька и определяла – скоро вернётся отец. Пока музыка вываливалась из окон, и мама курила в квартире, стряхивая пепел прямо в солонку, праздник продолжался.

Ялицкие в этот раз удачно познакомились с двумя студентками и ушли раньше, часть гостей последовали их примеру, остальные разбрелись по всей квартире. Из своей спальни Нелька выгнала парочку, избравшую её кровать для уединения. Наорала на них и отлупила рюкзаком.

Разложив учебники, она попыталась сосредоточиться на алгебре. Наверняка математичка вызовет её к доске для публичной экзекуции. Она уже давно на неё зуб точит. Нелька заранее знала, что учительницу она не переспорит и ни в чём не убедит, но перед одноклассниками не хотелось выглядеть совсем уж тупицей. Всё, что Нелька читала, вываливалось из головы вместе с басами, пульсирующими, казалось, в самой крови. На её просьбу приглушить музыку никто не отреагировал. Она отодвинула стул с такой силой, что он опро-

кинулся на пол, но удар спинки о паркет потонул в гудящей музыке. Рванула дверь.

– Если вы сейчас все не свалите, я вас сама выгоню пинками. Два часа ночи!

Она оглядела полупустую прихожую и прекратила бесноваться: гости уже расходились. Мама стояла у проёма двери, упираясь в косяк плечом. Видимо, по-другому не могла удержать вертикальное положение.

– Завтра Международный день музеев. Это надо как следует отпраздновать.

Нелка устало отметила, что праздник, кажется, закончился, и хотела захлопнуть дверь в спальню, но увидела на пороге отца.

Юрий Михайлович вошёл тихо и медленно, словно призраком. Да и цветом лица напоминал бледное приведение. Он оглядел погром после недавнего пиршества: пустые бутылки, следы грязной обуви, разбросанные вещи, перевёл взгляд на Нелли. Все трое застыли, глядя друг на друга. На балконе послышался шорох, что-то упало и покатилося по полу, раздались неуверенные шаркающие шаги. В прихожую выполз запоздавший гость. Видимо, он не вышел из роли почтовой лошади, на его спине криво болталась привязанная шарфом разделочная доска.

Мужчина сфокусировал мутный взгляд на хозяйке квартиры и улыбнулся.

– До завтра, Верунчик.

Почти на четвереньках он покинул квартиру, только тогда Юрий Михайлович захлопнул дверь и медленно спустил с плеча ручку большой спортивной сумки.

– Вера? – голос отца прозвучал глухо, с лёгкой вибрацией от сдерживаемого гнева.

Нелька притихла, чуть вжав голову в плечи.

– Пап, я всё уберу. Это моя вина. Позвала друзей и немного не рассчитала масштабы гулянки. Кто ж знал, что школьники так по-свински упьются?

Юрий Михайлович не шелохнулся, не слушая сбивчивую объяснительную речь Нелли, продолжал буравить взглядом пьяную жену.

– Вера! Мать твою! Что это такое?!

Мама отстранилась от проёма двери, потеряв опору, слегка качнулась и сделала шаг навстречу мужу.

– Юра, погоди, не ругайся, сегодня такой праздник!

Она протянула руку, пытаясь коснуться лица мужа, но он резко оттолкнул её и сделал короткий шаг вперёд. Вера едва не упала от такого резкого движения, отклонившись, закинула голову назад, посмотрела с вызовом. Этот прямой и пронзительный взгляд никак не вязался с её пьяным состоянием.

– Ну давай, накажи меня.

Нелька тут же кинулась к маме, вклинилась между ней и отцом. Её он никогда не бил. Мог накричать, пригрозить ремнём, отобрать телефон, запереть в квартире, но руку не

поднимал. Он бил только маму.

– Нелли, уйди по-хорошему!

– Мама ни при чём. Это я позвала гостей.

Юрий Михайлович дышал шумно, сдерживался из последних сил. В ложь Нельки он не поверил ни на секунду. Он давно заметил за женой пристрастие к алкоголю, и с каждым годом всё становилось только хуже. Обычно она успевала скрыть следы своих пирушек, но они происходили всё чаще, и всё реже она встречала его, не пропахнув сигаретами и вином. Но никогда ещё Вера так откровенно не демонстрировала своё падение, не выпячивала его, словно медаль за какое-то неведомое достижение.

Он взял Нелли за плечо и грубо оттолкнул.

– Не лезь. Иди в свою комнату и закрой двери.

Нелька по инерции сделала шаг в сторону спальни, но потом резко рванула обратно. Как раз в этот момент Юрий Михайлович замахнулся, руку остановить не успел, и ладонь веско опустилась на щеку Нелли. Она громко охнула и, потеряв равновесие, упала на подставку для зонтов. Металлическая и тяжёлая корзина, выполненная в виде перевернутого приоткрытого зонта, подставила под падающее тело железную имитацию спиц.

Перед глазами у Нельки заплескали звёзды, в ушах противно и громко зазвенело, поэтому тёплое мокрое пятно на лопатке она почувствовала не сразу.

Юрий Михайлович, растерялся. Сначала кинулся к жене,

открытой для его агрессии, потом к дочке, замершей в нелепой позе. Попытался её поднять, но Нелька оттолкнула его руку, резко вскочила и выбежала из квартиры.

Она летела, не оглядываясь, перескакивая через ступеньки. Ветер за спиной облизывал мокрую от крови футболку. Выскочила из подъезда и ринулась на улицу. В голове уже не звенело, гудело от зарождающегося плача. Щека пульсировала вспышками боли, глаз, попавший под удар, передавал размытую картинку, словно через запотевшее стекло. Спина онемела, немного покалывала, но боль почти не чувствовалась.

Отбежав на квартал от дома, Нелли замедлилась и перешла на ходьбу, а потом и вовсе побрела, едва переставляя ноги. Голова очистилась от мыслей и напоминала пустой колокол, гудящий от долгого и неумелого использования неопытным звонарём. Перед глазами стояло разгневанное лицо отца и пьяный расфокусированный взгляд мамы.

Такой потерянной, одиноко бредущей по ночной улице Алексей и увидел Нельку. Скользнул поверхностно взглядом и хотел отвернуться. Узнавание пришло через секунду, когда свет от фонаря выхватил зелёную макушку.

Сегодня вечером он забрал машину из ремонта. В мастерской наконец выяснили, что с электроникой, и почему автомобиль глохнет, когда ему вздумается. Теперь прогулки стали длительнее и перенесли за пределы Краснодара. Едва вернув машину, Алексей направился к морю. Бродил по пля-

жу, искупался в довольно прохладной майской воде, немного освежил мысли. О странной девушке не вспоминал, но стоило её увидеть, вот так бредущей по ночному городу, на губах обозначилась улыбка. Правда, почти сразу она потухла. В сердце закралось тревожное предчувствие. В движениях, во взгляде незнакомки читалась не просто печаль – боль. Она напоминала поломанную куклу.

Он вырулил к тротуару немного впереди, предугадав траекторию движения незнакомки, заглушил мотор и вышел из салона. Опёршись бёдрами о капот, ждал, когда она приблизится. За несколько шагов до того, как они поравнялись, Алексей разглядел на её щеке огромный синяк, в на губе свежую кровь. Вышел вперёд и преградил путь.

– Я отвезу тебя в больницу.

Нелька не остановилась, пока не упёрлась лбом в тёплую преграду, только тогда подняла взгляд.

– Иди на фиг.

Она отступила на шаг назад и попыталась его обойти.

Алексей остановил её, мягко коснувшись предплечья. Увидел, как скривилось её лицо, и убрал руку. Нелька обошла его и снова побрела по тротуару. Он оглянулся и сразу же увидел на белой футболке неровное красное пятно. Догнал в три шага и снова преградил путь.

– Потом можешь посылать меня куда угодно, но сейчас я отвезу тебя в больницу.

Нелька сощурилась, пытаясь разглядеть неожиданное

препятствие, и даже не удивилась, увидев изумрудные глаза. У хозяина этих глаз оказался очень приятный голос, если бы этот тембр можно было нарисовать, она изобразила бы его бордовой краской, с примесью шоколадного оттенка. Только вот сейчас ей никого не хотелось видеть и носителя бордового голоса в том числе.

– Слушай ты, рисовательная морда, отстань от меня.

Алексей протянул руку и осторожно отвёл в сторону зелёные пряди. Тот, кто её ударил, не пожалел сил. Припухшая в ссадинах щека смотрелась страшновато, но покрасневший от лопнувших капилляров глаз и разбитая губа, выглядели ещё хуже.

– Поехали в больницу, не знаю, что у тебя со спиной, но лицо точно нужно обработать.

Нелька устало вздохнула.

– А поехали. Можешь меня куда-нибудь увезти и забрать в рабство.

Алексей осуждающе покачал головой.

– Приёмного покоя с тебя хватит. Что со спиной?

– Кошки драли.

Он вернулся к машине и открыл дверцу, приглашая внутрь.

– Сидеть сможешь? Или лучше ляжешь сзади?

Нелли приблизилась к автомобилю, взялась за край дверцы.

– Я же тебе весь салон перепачкаю. Будешь потом поли-

ции объяснять, что это не следы маньяческого хобби.

– Садись. Как-нибудь разберусь с полицией.

Нелли послушно села, но на спинку не откинулась, упёрлась локтями в колени. И снова занавесилась волосами.

Алексей обошёл машину и опустился в водительское кресло. Завёл мотор, неосознанно прислушался к его неровному гудению, опять что-то тарахтело, вырулил на дорогу. В сторону попутчицы намеренно не смотрел.

Она первая нарушила тишину.

– Куда мы едем? Одну больницу точно проехали. Всё-таки маньяк, да? Это было бы закономерное окончание удачного дня.

– У меня друг работает в приёмном покое, сегодня на смене. К нему и едем.

Алексей набрал номер Кости и быстро описал ситуацию. Тот сначала выругался, посоветовал обратиться в полицию, а потом вздохнул и согласился осмотреть находку Алексея.

Какое-то время ехали молча, Алексей время от времени поглядывал в сторону странной попутчицы. Сейчас она мало напоминала самоуверенную хулиганку, слопавшую его завтрак. Она не плакала, не вздыхала, просто замерла, как стоп-кадр.

– Как тебя зовут?

– Ефросинья, – не поворачивая головы, откликнулась она. – Или Мирабела. Нет, погоди – Клотильда. А тебя?

– Алексей.

– Да ты, походу, скучный тип, Алексей. А по отчеству?

– Евгеньевич, – коротко ответил он и снова обернулся к дороге.

Машина въехала на территорию больницы. Алексей набрал номер Кости, быстро переговорил с ним и повернулся к спутнице.

– Он просто тебя осмотрит. Но, может, всё-таки поехать в полицию?

Нелли нахмурилась.

– Он?

– Врач. Константин. Отчество не знаю. Никогда не спрашивал.

Алексей вышел из салона, пока обходил машину, Нелли выбралась из автомобиля самостоятельно, чуть кривилась, но стояла вполне устойчиво.

– Не нужно в полицию. И вообще, мне в больнице нечего делать. Синяк и ушиб. Заживёт как на собаке.

Алексей направился в сторону освещённого холла, но, не заметив движения, оглянулся.

– Не упрямясь. Мы уже здесь. Пусть врач посмотрит, а потом я отвезу тебя домой.

Костя вышел им навстречу, не высовывая рук из карманов белого халата, сдержанно кивнул.

– Пойдём.

Нелли нехотя поплелась за Алексеем, всем своим видом демонстрируя нежелание тут находиться.

Пропустив посетителей вперёд, Костя закрыл дверь и развернулся к Алексею.

– Ну и что у нас тут? Кто-то любит пожестче и не рассчитал силу?

Нелли хмыкнула, от улыбки чуть подсохшая губа снова закровоточила.

В комнате витал легко узнаваемый запах больницы: коктейль из лекарств, страха и боли, с едва ощутимыми нотами надежды. Костя вымыл руки, тщательно вытер их полотенцем и указал взглядом на кушетку.

– Ты садись сюда, а ты, – он кивнул Алексею, – вот на тот стул у стены. Как тебя зовут?

– Нелли.

– Клотильда тебе больше подходит, – отозвался Алексей из угла, в который его усадил друг.

Костя приблизился к Нелли, убрал волосы за уши и осмотрел её лицо.

– Н-да. Попахивает рукоприкладством. Кто это тебя так приласкал?

Нелли скривилась.

– Это, доктор-врач, не ваше дело.

– Больно?

– Нет, блин, щекотно, – ухмыльнулась Нелька, демонстрируя кровавые разводы на зубах.

– Я бы на твоём месте активно не скалился, губа и так разбита. Глаз видит?

Нелли моргнула несколько раз.

– Уже лучше, но веко мешает.

– Ещё бы. Такой пельмень.

Он коснулся скулы, заглянул в зрачки.

– Холод и покой.

– Я тоже так лечить умею, – осклабилась Нелька.

– Ты лучше её спину посмотри, – напомнил Алексей.

Костя отступил на шаг от кушетки.

– Поворачивайся.

Нелли медленно встала, взялась за край футболки и, потянув вверх, задрала выше лопаток. Пропитанная кровью ткань прилипла к коже и поддалась не сразу.

Алексей привстал, чтобы увидеть исполосованную спину Нельки. Правую лопатку, прямо над перемычками топа, пересекали три глубоких пореза. Зрелище не слишком приятное, а на светлой коже – уродливо-контрастное.

Костя оглянулся через плечо, поймал сердитый взгляд Алексея и многозначительно приподнял бровь.

– Нелли, тебе придётся раздеться. Выпроводить Лёху?

– Я прям голая буду?

– Топик нужно снять. Обработаю раны и скреплю края. Шрамы, скорее всего, останутся.

Нелли повернулась к Алексею, несколько секунд они смотрели друг на друга пристально, не моргая. Нелли сдалась первая, часто захлопала ресницами, скидывая оцепенение. Кому сказать, о чём она сейчас думала, не поверят. Хо-

телось нарисовать его снова, но уже с улыбкой.

– Выйти? – переспросил он.

– Выйди.

Алексей кивнул и исчез за дверью.

Через полчаса из кабинета выглянул Костя.

– Всё, можешь забирать свою беспокойную подругу. Игрища вам пока противопоказаны, пусть спина заживёт.

Алексей наградил Костю осуждающим взглядом.

Нелли едва удержала улыбку, вовремя вспомнила о разбитой губе.

– Есть позы вполне безопасные для моей спины, там вообще лежать не нужно, да, Алексей Евлампиевич?

– Евгеньевич.

– Я так и сказала.

Нелли направилась к выходу, но Лёшу Костя чуть задержал.

– Кто она такая? Не будет проблем с полицией? Она вообще совершеннолетняя?

Алексей пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Где ты её нашёл?

– На улице. Можешь не смотреть на меня так выразительно. У нас ничего не было. Я имя её только в твоём кабинете узнал. Ну не мог я оставить на улице явно избитую девушку. Она выглядела такой ранимой.

– Ранимой? Пока я ей лопатку штопал, она мне анекдоты

рассказывала.

Костя вытянул шею, провожая взглядом Нелли, та уже вышла из отделения, зелёная макушка мелькнула во дворе и скрылась за углом.

– Ушуршала твоя болотная незнакомка, лови её.

Алексей догнал Нелли у машины.

Она рассматривала своё отражение в тёмном стекле, слегка склонив голову к плечу. Поймав его взгляд, улыбнулась.

– Как я, такая красotka неземная, завтра в школу пойду?

Алексей тяжело вздохнул: школу, значит. Видимо, всё-таки несовершеннолетняя.

– Отвезти тебя домой?

Нелли задумалась. На лице промелькнула тень.

– Да, наверное. У меня с собой нет ни телефона, ни вещей.

Нелли не хотела возвращаться, но ещё больше боялась не вернуться, а потом обнаружить, что с мамой что-то произошло. Что-то страшное и непоправимое.

Когда автомобиль отъехал от больницы, Алексей спросил:

– Куда ехать?

– Я живу всего в квартале от того места, где вы меня поймали.

– На «вы»? Полчаса назад ты мне спокойно тыкала.

– Ну, вы явно старый. А тогда у меня стресс был, прости-тельно забыть о вежливости. А так я вполне воспитанная, даже знаю, как выглядит вилка для рыбы.

Когда Нелли объяснила, как подъехать к её дому, Алексей

с изумлением понял, что они практически соседи. Костина квартира находилась в идентичной пятиэтажке через улицу. Видимо, поэтому он уже дважды сталкивался с этой яркой особой.

Заглушив мотор, Алексей сложил руки на руле и посмотрел на Нелли. Она сидела неподвижно, вглядываясь в темноту за пределами салона автомобиля. Красный глаз и разбитая губа на миловидном, почти детском лице смотрелись дико и чужеродно. Судя по всему, это было чертовски больно.

– Нелли, кто это сделал?

– Неважно, – откликнулась она.

– Важно. Вдруг это повторится.

– Вполне возможно, – спокойно согласилась Нелли. – Но тебя это не касается.

Она выбралась из салона, но сразу домой не пошла. Замерла на ступеньках и нашла взглядом окна своей квартиры. Они светились. Не приглушённым светом от экрана телевизора, а ярко. На кухне мелькнул силуэт отца.

Нелли вздохнула и взялась за ручку двери подъезда. Но не открыла, услышав за спиной шаги, обернулась.

– А ты куда?

– Провожу тебя.

Нелли задумалась. В компании Алексея она чувствовала себя увереннее. Кто знает, какой приём её ждёт за дверью квартиры.

– Пойдём, но приглашать на чай не буду. И вообще, в тво-

ём возрасте пить чай на ночь чревато бессонницей и, может, даже простатитом.

Алексей покачал головой, но промолчал.

Поднимались в тишине, Алексей шёл сзади и внимательно рассматривал пятно на белой футболке. Своеобразный тест Роршаха.

На третьем этаже Нелли резко остановилась, выдохнула и рывком открыла дверь с цифрой девяносто пять. Из кухни вышел отец, встал в прихожей, сложив руки на груди, приготовился отчитать блудную дочь. Увидев незнакомого мужчину за её спиной, нахмурился и неожиданно подавился заготовленной речью.

Алексей обошёл Нелли, неосознанно отодвинул её за спину. Его взгляд остановился на руках хозяина квартиры: косяшки слегка кровоточили из-за содранной кожи. Он поднял глаза выше, на лицо. Ни раскаяния, ни вины на нём не прочёл, скорее усталость и едва сдерживаемое раздражение.

Алексей даже не поздоровался, сразу перешёл в наступление.

– Если вы ещё хоть раз её тронете, я вам руку сломаю.

Юрий Михайлович смерил гостя холодным взглядом.

– Ты кто такой? Нелли, кто этот мужик?

Нелли растерялась. В воздухе повисло напряжение, оба мужчины готовились кинуться в драку в любую секунду, даже слегка подались вперёд. Почему-то она совсем не ожидала, что может произойти потасовка, наоборот, думала,

присутствие постороннего человека не позволит отцу снова вспыхнуть. Но вспыхнул не он, а мирный на вид зеленоглазый Алексей.

Нелли попыталась оттолкнуть его в сторону, но тот казался твёрдым и неподвижным, словно каменная глыба. Она обошла его и упёрлась ладонями в грудь.

– Хватит, – оглянулась через плечо на отца, – папа, хватит.

Юрий Михайлович сощурился, его не отпускало странное ощущение опасности, исходящее от незнакомца. Инстинкты кричали: бей или беги!

– Кто ты вообще такой, чтобы приходить в мой дом и командовать? Я её отец! Будут свои дети, сам их и воспитывай. А теперь вон отсюда!

Нелли сделала шаг в сторону отца, но Алексей неожиданно схватил её за руку и потянул обратно.

– А я её муж! – выкрикнул он в ответ.

– Какого хрена? Нелли, что он несёт?

Нелли рассеяно пожала плечами, она удивилась не меньше отца.

– Будущий муж, – поправился Алексей. – Но сломать вам руку это не помешает. Никакой полиции не будет. Я сам с вами разберусь. Только попробуйте тронуть её, если увижу хоть царапину на её теле, считайте, вы труп.

Юрий Михайлович не мог понять, как реагировать на этого неожиданного заступника, откуда он вообще взялся? Он никогда не вникал в личную жизнь дочерей, из-за работы

подолгу отсутствовал. Возмутило его не столько наличие у Нельки будущего мужа, сколько его нахальная грубость. На своей территории он привык чувствовать себя в безопасности и во всеоружии. Нападения не ожидал. Тем более бандитом «муж» Нелли не выглядел, хотя в глаза бросалось, что с тренажёрным залом знаком не шапочно.

Юрий Михайлович отступил.

– Нелли, он намного старше тебя, – озвучил он аргумент, который первым пришёл на ум.

– Мне уже восемнадцать. Могу и замуж выйти, – включилась в лицедейство Нелька и, встав рядом с Алексеем, подхватила его под локоть. – Познакомься, это Лёша.

– Это не отменяет того, что ты ещё соплячка, и тебе завтра, кстати, в школу.

– Я помню. Провожу Лёшу и вернусь.

Нелли потянула Алексея к выходу, он уже не ощущался как неподвижный истукан с острова Пасхи, позволил себя выпроводить. Правда, уходил медленно, спиной вперёд, сверля взглядом «будущего тестя». Нелли вышла следом за ним. Спустившись на два пролёта, остановилась на лестничной площадке.

– Да-а-а, Лёха, удивил, а казался вполне приличным человеком.

Он пожал плечами.

– С такими, как твой отец, нужно разговаривать на их языке. Какое-то время он точно не тронет тебя, побоится.

– Сегодня он меня в первый раз ударил, – нехотя призналась Нелли. Прозвучало это так, будто она оправдывает отца.

– Я так понимаю, ты заканчиваешь одиннадцатый класс?
Нелли кивнула.

– Скоро ЕГЭ.

– Надеюсь, твой отец достаточно поверил в серьёзность моего предупреждения и не тронет тебя, а потом ты уедешь. Поступишь куда-нибудь, и он до тебя не доберётся.

Нелли оттянула край футболки, разнервничалась. Необходимостью определиться с институтом на неё давили и Ялицкие, и ЖанЭд.

– Я ещё об этом не думала, – она улыбнулась и тут же ойкнула, губа лопнула и закровоточила. – Про «руку сломаю» было очень достоверно. Я тебе поверила. А ведь производил впечатление миролюбивого человека, откуда только зверь вылез?

– Ты можешь не улыбаться? Губа так никогда не заживёт.

– Не могу, – она снова ухмыльнулась, оттянула рукав и приложила край футболки к нижней губе. – Оно само лыбится.

Алексей достал из кармана джинсов мобильный.

– Запиши мой номер. Если вдруг понадобится помощь или... – он глазами указал вверх, – отец опять возьмётся тебя воспитывать, звони, не раздумывая.

– Я без телефона.

– Тогда дай свой.

Нелли продиктовала цифры, заглядывая в светящийся экран в попытке рассмотреть, что у него на заставке. Ожидаемого фото девушки не обнаружилось, только морской пейзаж: пирс, врезающийся в штормовое море.

– Я тебе позвоню, сохрани мой номер.

Он убрал телефон в карман, поднял взгляд на Нелли. Она стояла на несколько ступенек выше, внимательно его разглядывала.

– Можно попробовать добавить ультра-зелёную акварель, остальное не трогать. Пусть будет чб.

– Понимать бы ещё, о чём ты говоришь, – он отступил назад. – Спокойной ночи.

Алексей успел спуститься на целый пролёт, когда Нелли его окликнула.

– Алексей Евстахиевич! – дождавшись, когда он остановится и поднимет лицо, поблагодарила: – Спасибо.

Алексей невольно улыбнулся.

– Теперь я верю, что ты вполне воспитанная. Может, и правда рыбью вилку опознаешь. Хотя бы с третьей попытки.

8 глава. Нодар

Нелли стояла у доски, высоко подняв голову, с лёгким презрением на лице. Кроме неё, никто и не знал, как тяжело ей давалась эта маска безразличия и высокомерия. Как бы старательно она ни изображала наплевательское отношение к публичному порицанию, унижение на глазах одноклассников удовольствия не доставляло.

Людмила Константиновна бесновалась.

– Простейший пример уровня девятого класса! На ЕГЭ будет в три раза сложнее. Такое ощущение, что я вас ничему не научила. Пустой лист! Пи на два не может разделить, позор.

Нелли оглянулась, внимательно присмотрелась к исписанной доске. Почерк, конечно, не каллиграфический, но это и не урок русского языка, главное, всё понятно и правильно. Хотя теперь она уже в этом сомневалась. Класс притих, спорить никто не осмелился. Учительнице математики оказалось по силам перевернуть законы геометрии. Людмила Константиновна поняла свою ошибку ещё несколько минут назад, но не могла и не хотела её признать. Злилась ещё больше оттого, что неправда, и это могут заметить другие ученики, вот и прикрывала свою оплошность буйным нападением на Нельку. Кузнецова всегда её раздражала вызывающим видом и откровенной скукой на лице, не прикрытой ради уважения

к её возрасту и статусу.

Нелли пожала плечами. Сцена унижения затянулась, пора было уже завершать линчевание нерадивой ученицы. Класс тоже устал, некоторые втихаря потянулись к телефонам. Сергей в открытую рубился в морской бой с соседом по парте. Его пример подтверждал правило, что учителя у себя под носом не видят учеников. Бермудский треугольник какой-то. Взгляд математички мгновенно выхватывал любого, кто подозрительно шевелился или слишком широко улыбался, но Сергей и его друг превратились в невидимок.

По коридору проходил учитель биологии, заглянул в открытые настежь двери.

– Добрый день.

Одиннадцатый «В» зашумел, вставая в качестве приветствия.

Геннадий Александрович махнул рукой.

– Сидите, сидите. Не отвлекайтесь. Что у вас тут за шум? В соседних кабинетах слышно.

Людмила Константиновна страдальчески вздохнула.

– Полюбуйтесь. Одна из лучших учениц класса. Твёрдая хорошистка, а по алгебре иногда и на отлично успевала. Не могу теперь понять: за что я ей оценки ставила? Пустая голова. Что тогда ждать от двоечников на ЕГЭ, если Кузнецова у доски дуб дубом? А ещё это... – она взмахнула рукой и обратилась уже к Нелли. – Что за вид! Ты же девушка, а выглядишь как, я извиняюсь, пропойная алкоголичка. Страш-

но представить, где ты была накануне.

– А вы не представляйте, поберегите своё воображение, – огрызнулась Нелли. Ей надоело играть роль канализации, куда математичка сливает плохое настроение и озлобленность на весь мир. Отчитала её перед классом как последнюю идиотку, а теперь ещё и в глазах любимого учителя выставила тупицей.

– Вот оно, нынешнее поколение. Никакого уважения к старшим. Садись, два, – закончила Людмила Константиновна.

– Нелли, после уроков зайти ко мне в кабинет, – Геннадий Александрович выглядел огорчённым. – Вы всё-таки двери прикройте, а то урок математики распространяется на весь этаж.

– Душно. Так хоть чуть-чуть сквозняк гуляет.

Но двери всё-таки закрыла.

Едва прозвенел звонок, Нелли одним движением сгребла всё с парты в рюкзак и потянула Виталину за руку.

– Быстрее, не успеем.

Вита нарочно медленно выровняла учебники и уложила в сумку.

– Не надоело тебе следить за ним?

– Об этом поговорим уже на месте. Некогда.

Они поднялись по лестнице и завернули в рекреацию перед классом ОБЖ.

Нелли отодвинула в сторону горшок с цветком и уселась

на подоконник, Витку установила перед собой, старательно занавесилась распущенными волосами, чтоб подбитый красный глаз не был виден со стороны.

Как раз закончился урок у параллельного одиннадцатого «А». Нелли знала, что учитель ОБЖ задерживает после звонка, была у него такая привычка, поэтому, чтобы увидеть Нодара, нужно было лететь сюда со всех ног. Дверь открылась, в коридор хлынули ученики. Нелли затаилась, невольно задержала дыхание. Вот он! Нодар вышел в числе последних, увлечённый разговором с лучшим другом Яриком. Они, кажется, о чём-то спорили, оба разгорячились, никого вокруг не видели.

Нелли знала каждую чёрточку во внешности Нодара. Могла нарисовать его не глядя, в полной темноте. Она и не задумывалась, красив он или нет. Это же её Нодар! А Ялицкие называли его коротышкой, за что не единожды от Нельки получали пальцем между рёбер. Ей нравилось в нём всё. Невысокий, даже коренастый, с выразительными чёрными глазами и рано сформированной мужественностью. В каждом движении, во взгляде и в рассудительной речи чувствовались уверенность и основательность. Виталина называла его мужичок-с-ноготок и посмеивалась над его педантичностью и привычкой застёгивать рубашку на все пуговицы. Как и Нелька, он оказался самым старшим в своём классе, но по другой причине. Целый год он пропустил, провалявшись в больнице с переломом обеих ног, а потом долго восстанавли-

ливался и передвигался на костылях. К великому огорчению Нельки, в сентябре он попал к «ашкам», а не в её класс. Удивительно, но его никто не дразнил и не обзывал второгодником, с уважением к Нодару относились даже учителя.

Нелли проводила его влюблённым взглядом. Только они скрылись за углом, как она шумно выдохнула, приложила ладони к горящим щекам.

– Какой он феноменальный.

Виталина осуждающе покачала головой.

– Кузя, хватит уже выставять себя в невыгодном свете, о твоей симпатии вся школа знает, кроме разве что самого Нодара. Странно, что ему ещё никто не напел, что у него есть личная фанатка-маньячка.

– Думаешь, не напел?

Виталина всерьёз задумалась, выдала неутешительную фразу:

– Нет. В противном случае Нодар смотрел бы на тебя с жалостью или посмеивался. Но он совершенно индифферентен.

– По-русски говоря, плевать ему на меня, – вздохнула Нелли.

– Плевать, – подтвердила Вита.

– На последнем звонке я его приглашу на медляк.

– Тебе мало сегодня было бесчестья у доски?

Нелли слезла с подоконника, подтянула лямку рюкзака.

– Это другое. Если я ничего не сделаю, он так и не узнает

о моих чувствах, а потом будет поздно. Он ведь уедет поступать в Новороссийск.

Виталина потянула Нелли в сторону класса биологии, меньше чем через пять минут должен был начаться урок. Услышав про Новороссийск, резко остановилась, посмотрела на Нелли с недоверием.

– Откуда ты знаешь, куда он поступать надумал?

– От верблюда. – Нелли слегка зарделась.

Вита осуждающе покачала головой.

– Опять его сестру чупа-чупсами подкупала?

– Случайно услышала, – не смутившись, солгала Нелли.

– После уроков – к нам?

– Не жди меня. Ещё от Геннадича получать буду втык за математику. Но это ненадолго. Успокою его и пообещаю, что исправлюсь.

Домой Нелли не торопилась. Ближайшие две недели, пока глава семейства не уедет в очередной рейс, ей предстоит скрываться у ЖанЭд. После вчерашнего рукоприкладства не хотелось видеть ни отца с заготовленной воспитательной речью, ни виноватую, пристыженную маму с таким же, как у Нельки, синяком на пол-лица.

Сергей дождался окончания порицательной беседы в исполнении классного руководителя и встретил Нелли на ступеньках школы.

– Ругался?

– Лучше бы ругался. Я его разочаровала, – Нелли тяжело

вздыхнула. – Про синячело спрашивал.

Сергей приостановился.

– И что ты сказала?

– Правду. Один из мамкиных гостей случайно накостылял.

Сергей несколько раз кивнул, снова присмотрелся к Нелли.

– Это правда? Твой отец же вчера вернулся.

– Яицкий, заткнись. Мне уже Виталик мозг вынесла. Тебя ещё не хватало.

– К ЖанЭд идёшь?

– Да. Потом сразу на работу. Ты со мной?

Сергей задумался, поколебался несколько секунд, наконец нехотя выдал:

– Нет. Приходите завтра с Витой на тренировку. А послезавтра на соревнования. Толик тоже участвует в своём весе. Поболее за нас.

– Ладно, давай. До завтра тогда. – Нелли ткнула друга кулаком в плечо и свернула на другую улицу.

ЖанЭд ждала её с горячим обедом и порцией новостей. Усадила за стол, плеснула огромную миску борща, нарезала полбатона хлеба. Такой объём порции был по силам только старшему Ялицкому, но ЖанЭд не мелочилась, ценила в людях хороший аппетит и привыкла всем делиться с присущей ей широтой души.

– Личность у тебя... в гроб краше кладут.

– Вам виднее.

– Батя?

Нелли вздохнула, отвернулась и с преувеличенной энергичностью взялась за ложку.

– А я знаю, куда Виталик надумала поступать.

ЖанЭд вперилась в Нелли немигающим взглядом.

– Давай говори. К чему эти паузы драматичные, хочешь, чтобы у меня сердце крякнуло? Далеко намылилась Витка?

– А никуда. В Краснодаре в Медицинский хочет поступать.

ЖанЭд переварила эту новость и широко улыбнулась.

– А ты что надумала?

Нелли съела несколько ложек борща, только потом ответила.

– Я хочу в Италию.

– Ну, эту новость я уже слышала. Тебе в «Диве» столько не платят, чтобы ты на Италию накопила. А деньги, что я тебе на презервативы подкидываю, надеюсь, ты по назначению тратишь?

Нелли ухмыльнулась.

– Загранпаспорт я уже сделала.

– Так это у тебя серьёзно, что ли?

– Это моя мечта.

– Мечта-мечта. А насчёт реальности что? – ЖанЭд придвинула к Нелли литровую бадью с чаем. – В новом цветочном магазине продавщица-прошмандовка. Я её уволила.

Могу тебя взять на её место. Подумай, если что, работу я тебе найду. Букеты и венки ты делаешь шикарные, а остальному можно научиться. Только налево не торгуй, руки поотрываю.

– Спасибо. Кстати, а кто же работает, раз уволили прошмандовку?

– Я пока работаю. И ты поможешь. Вот прям сейчас. Покажу тебе, что к чему, а то ещё угробишь цветы.

Нелли отодвинула почти полную кружку чая.

– Это я могу. В этом, видимо, мой талант – всё портить.

На следующий день сразу после школы Нелька потащила Виталину в спортивный комплекс на тренировку к Ялицким. Тренер по боксу уже привык к двум девушкам, сопровождающим его будущих чемпионов. В степень их родства не углублялся, приветствовал поднятым вверх кулаком и даже позволял помять грушу. Виталину ринг не интересовал, обычно она сидела на скамейке, ожидая окончания тренировки. Вот и в этот раз опустилась на низенькую лавочку, вытянув длинные ноги, достала книгу и погрузилась в чтение.

Нелька переобулась и, скинув рюкзак на хранение Вите, направилась к друзьям.

– А ну разбежались, мне нужно вышибить из себя бешенство.

Толик отступил от груши, давая Нелли возможность набросится на ни в чём не повинный снаряд. Лупила Нелька яростно, пыхтела и сопела, как паровоз, волосы взмокли и

прилипли ко лбу и вискам. Подбитая щека зачесалась, на жёстком дерматине появились новые кровавые мазки.

– Стопэ, Кузя, у тебя сзади на футболке кровь.

Она остановилась, прислушалась к ощущениям: боли не было, но лопатка зудела.

– Блин, – она потянула футболку через плечо, увидела продолговатое пятно и фыркнула: – Зато реально полегчало. Математичку теперь не хочется прибить. Бокс спас ей жизнь.

Толик наградил грушу серией коротких ударов и левым хуком.

– Завтра в одиннадцать приходи. Витку возьми. После взвешивания начнутся соревнования.

– А чё Виталика не зовёте грушу колошматить?

Сергей и Толик переглянулись.

– Да ну! Не девчачье это дело.

Сергей ещё не договорил, а Нелька уже ткнула его кулаком в плечо.

– А я, по-вашему, кто?

– Ты, Кузя, друг. Друг – существо бесполое.

Нелли без разбега запрыгнула на Толика и повалила его на маты.

– Я тебе сейчас покажу бесполое существо! – Она принялась щекотать его, тыкая тонкими пальцами под рёбра.

– Как? Сиськи, что ли, покажешь? – сквозь смех проговорил Толик и залился новым приступом хохота.

Сзади подскочил Сергей и сделал вид, что пытается за-

драть на Нелли футболку. Она отбивалась от старшего Ялицкого и одновременно пыталась защекотать до смерти Толика.

Сквозь смех Тайсонов, Нелли слышала голос Виталины.

– Кузя, у тебя телефон звонит. Какой-то Алексей Евпаториевич.

Нелли замерла, позволив задрать футболку до самого лифчика. Сергей, не почувствовав сопротивления, отступил. Толик перестал вырываться, обернулся к Виталине.

Нелли резко вскочила, одёрнула одежду и кинулась к Витке. Как хорошо, что на заставку с его номером она поставила картинку с пчелой. А ведь хотела сфотографировать карандашный портрет и поставить на звонок. Сейчас бы пришлось отбиваться от роя вопросов.

Она вырвала телефон из рук подружки и застыла, гипнотизируя экран. Зачем он звонит? О чём им вообще говорить? Она не смотрит ни канал «Культура», ни новости и, насколько выросли цены на ЖКХ, тоже не знает.

Вита смотрела на покрасневшую Нельку с лёгким удивлением.

– Почему не отвечаешь?

– Я не знаю, кто это. Записала как-то и забыла, – выкрутилась Нелли.

Сергей подкрался сзади, заглянул через плечо на экран.

– Раз записала, значит, для тебя кто-то важный. Ты вообще номера не сохраняешь. Хорошо, если пять контактов наберётся на весь мобильник.

Воспользовавшись растерянностью Нельки, он выхватил телефон и, приняв вызов, приложил к уху.

– Алло, личный секретарь Кузьки слушает.

Нелли ринулась вперёд, но её перехватил Толик и, прижав к груди, не позволил вырвать телефон. Сергей тем временем выслушал собеседника на том конце провода, кивнул и снова ответил:

– Нормально вроде. Передам.

Телефонный разговор он заканчивал уже без дурачества, даже нахмурился. Протянул мобильник.

– Блин, кто это вообще был? Просил передать, чтоб ты была осторожнее и берегла лопатку.

– Яицкий, придурок! Больше никогда так не делай, – Нелька выхватила телефон и засунула в карман рюкзака. – Вит, пойдём. Достали уже эти недоразвитые бабуины. Весь мозг им на ринге выбили. Остался только мозжечок, и тот дефектный.

Виталина медленно встала, оправила юбку.

Тайсоны суетливо переглянулись.

– Виталина, на соревнования хоть придёшь? – взволнованно спросил Толик.

– Придёте? – поправил его Сергей.

– Кто ж за вас болеть будет, криворуких, если не мы, – сжалилась Нелька. – Придём.

Как бы Нелли ни хотелось пропасть без вести на две недели, пришлось возвращаться домой. Мама бродила по квар-

тире задумчивая и тихая, синяк на щеке тщательно загримировала и прикрыла волосами. Влажный воздух пропах плом и порошком. Сушилка на балконе прогнулась под тяжестью вещей, пододеяльники и простыни завесили межкомнатные двери и благоухали кондиционером. Каждый раз, когда отец возвращался из рейса, всё перестирывалось, убиралось, и обед снова состоял из трёх блюд.

Юрий Михайлович смотрел телевизор, услышав шаги в прихожей, выглянул в коридор.

– Где была?

– В школе. Потом в спортзале у Ялицких.

Нелли разулась и поплелась в комнату. Отец пошёл следом.

– Я запрещаю с ними общаться. Сколько можно говорить. Ничему хорошему они тебя не научат.

Нелли резко остановилась.

– Их родители про меня говорят то же самое. – Она взялась за ручку двери. – Мне нужно готовиться к ЕГЭ.

Отец не позволил закрыть дверь перед своим носом.

– Пока ты живёшь в этом доме, будь добра, выполняй мои правила. Я сказал нельзя – значит, нельзя. И спорить не нужно. У тебя память короткая? Забыла, кто их отец и что он сделал?

– Хорошо, пап, – привычно согласилась Нелли и наконец скрылась в своей спальне.

Скинув рюкзак, она завалилась на кровать, закинула ноги

на стену, прямо на карту Италии. Нашупала в кармане телефон. Пролистав вызовы, остановилась на том самом, о котором думала всю дорогу домой. Несколько раз почти нажала кнопку соединения, но в последний момент отдернула палец. С ней же всё в порядке, а значит, и не нужно звонить.

Она спрятала телефон под подушку и перевела взгляд на стену, увешанную карандашными портретами. Больше половины изображали Нодара, и на всех в качестве незапланированной детали выступали футбольные атрибуты. Где-то мяч, где-то сетка ворот или бутсы. Нелли футбольную обувь никогда вблизи не видела, но нарисовала точь-в-точь и, естественно, не помнила, как это произошло. Нодар был постоянен в своих мечтах – футбол, сплошной футбол. Нелли утешала себя тем, что ни разу на портретах Нодара не появилась девушка, а значит, шанс ему понравиться еще есть.

Просидев над тестами допоздна, Нелли приняла душ и уже перед сном извлекла из-под подушки телефон. Экран подмигивал непрочитанным сообщением. Увидев отправителя, она невольно улыбнулась. Алексей не удовлетворился разговором с «её секретарём». На экране высветилось два слова:

«Всё хорошо?»

Нелли посмотрела время отправления: два часа назад. Она задумалась, стоит ли отвечать. После недолгих сомнений решила написать, а то придёт ещё и сам проверит. Дорогу к её дому он теперь знает.

«Всё хорошо».

Телефон почти сразу тренькнул ответом.

«Как лопатка?»

«Чешется».

«Чешешь?»

«Естественно».

«Нельзя».

«Ненавижу это слово. Спокойной ночи».

«Спокойной ночи».

И чуть с опозданием:

«Клотильда».

Нелли убрала телефон и почти сразу заснула.

На следующий день после уроков она потянула Виталину на соревнования. Администрация города арендовала ДК, поэтому до вечера нужно было не только провести все раунды, но и организовать награждение.

Где-то среди шумной толпы обнаружили братья Ялицкие, взвинченные, непривычно молчаливые, как никогда похожие друг на друга. Взвешивание уже закончилось. Они ожидаемо оказались в разных весовых категориях, каждый мог побороться за первое место.

Увидев подруг, сдержанно кивнули.

– Скоро начнётся. У Толика третий бой.

– Это надолго? – поинтересовалась Витка, доставая из рюкзака книгу.

– До вечера, скорее всего.

Нелька заволновалась.

– Мне в «Диву» нужно ещё успеть. Быстро тут всех раскидайте, сгребите золотые медали, отметим это дело мороженым, и я пойду драить полы.

Толик нервно хмыкнул.

– Было бы всё так просто. Соперники в этот раз нормальные подобрались.

– Да пофиг. Вы же Тайсоны, отгрызите им уши, делов-то, – уверенно предложила Нелли. – Вам стимул нужен? Сергей широко улыбнулся.

– Покажи сиськи.

– Виталика проси. У неё этого добра навалом.

Вита вынырнула из книги, часть разговора она пропустила, погрузившись в историю Хитклиффа и Кэтрин.

– Что?

Нелли ухмыльнулась.

– Яицким стимул нужен. Если они всем накостиляют, с тебя поцелуй.

Витка пожала плечами и спокойно согласилась.

– Хорошо, но не в губы.

Братья умудрились покраснеть даже сквозь смуглую кожу. Их щенячьи глаза блеснули расширенными зрачками. Они почти одновременно кивнули.

– Идёт.

– Первое место моё.

Виталина снова погрузилась в книгу, ни один бой не ви-

дела, хотя Нелли орала над её ухом, прыгала и верещала, советуя братьям покусать соперников и бить по почкам. Она перемещалась вдоль ринга, бегала для них за водой и перекусом, а Витка всё это время читала роман, и спортивное будущее друзей её мало волновало, разве что зрители мешали, толкаясь локтями.

Каждый из братьев взял в своём весе золотую медаль. Нацепив сверкающие новенькие награды, Ялицкие вернулись к подругам. Нелли обняла каждого по очереди, даже чмокнула Сергея куда-то в висок, получив в ответ фырканье.

Виталина спрятала книгу, поправила длинные волосы.

– Кого первого целовать?

Братья одновременно ринулись к Витке, но столкнувшись плечами, остановились в шаге и переглянулись, взмахнули руками, пропуская друг друга вперёд.

– Иди ты.

– Нет, ты.

Виталина сама подошла к ним. Коснулась прохладными пальцами слегка колючих подбородков парней и поцеловала каждого по два раза.

– Поздравляю с победой.

Нелли наблюдала эту сцену, стоя немного в стороне, пытаясь поймать ускользающую мысль. Такими Тайсоны ей не нравились. Какие-то глупо-восторженные и совершенно нелепые.

Убирая в «Диве», она почти забыла о непривычном выра-

жении на их лицах, но, оказавшись дома, сразу же достала старый совместный портрет и присмотрелась. На их тонких ещё шеях болтались медали, за спинами угадывались канаты боксёрского ринга. Рисунок слегка обтрепался по краям, но дата легко читалась. Этот портрет Нелли нарисовала почти четыре года назад, Тайсоны выглядели не такими внушительными и взрослыми, как сейчас, но их мечта сформировалась уже тогда. Больше Нелли их не рисовала, они уверенно шли по избранному пути, разочаровав родителей-юристов, заготовивших им место в семейном деле. Сюрпризов не ожидалось.

Нелли достала карандаши, положила перед собой чистый лист и на несколько минут закрыла глаза. За стеной недовольно бухтел телевизор, под дверь просачивался аромат из кухни и голос мамы, беседующей по телефону, скорее всего, в ванной, втайне от остальных членов семьи. Нелли тряхнула головой и начала рисовать. Опять получился двойной портрет. Ялицкие были неразлучными, несмотря на то что Сергей всё детство старательно избавлялся от младшего брата, они срослись и сроднились, как сиамские близнецы. Нелли и не представляла их друг без друга. Вот и на портрете они появились парой, но в этот раз не было ни медалей, ни ринга. Между ними немного в отдалении нарисовалась Виталина.

Нелли откинулась на спинку стула, потёрла глаза. Нет, не показалось: Виталина, а не другая посторонняя девушка. В руках она держала книгу, взгляд получился немного отре-

шённый и задумчивый.

– Вот, блин! – не сдержалась Нелька. Тайсоны влюбились в Виталика. В голове тут же всплыли фрагменты из недавнего прошлого. Их взгляды, смущение, недомолвки. Это, похоже, длится не первый месяц, и о чувствах друг друга братья знают, но скрывают от Витки и не стремятся завоевать её расположение, чтоб не сделать больно друг другу. Так она ничья, и проблемы как бы нет.

Нелли спрятала новый портрет в папку и раздражённо прихлопнула рукой. Почему Витка, а не она? Оба брата выбрали подругу, никто не воспылал тайной страстью к ней. Чем она хуже? Ей стало даже обидно: она, значит, бесполой друг, а Виталина для них девушка, любимая девушка. Ей, значит, «покажи сиськи», а Витке трепетный поцелуй в щёчку! И кто после этого лучший друг? Предатели!

9 глава. Чупа-чупсовая авантюра

Мысли о влюблённости Тайсонов в Виталину долго не отпускали Нелли, она ревновала и злилась, злилась, что ревнует, и бесилась ещё больше. Хотя неудивительно, что они в ней видят «своего парня», даже хуже – друга. Ничто так не убивает романтику, как совместное прохождение через горшки, сопли и подростковые прыщи. Их объединяли детские приключения, и именно они стирали границы полов.

Нелли припомнила одно из приключений, закончившееся первой ссорой их родителей. Кузнецовы и Ялицкие не особенно дружили, но после чупа-чупсовой авантюры детей даже не здоровались.

Нелька надела на голову маску и проморгалась. Прорези лишь частично совпадали с глазами, приходилось постоянно поправлять и оттягивать душную материю вниз, но она опять наползала на лоб, лишая обзора.

– Да натяни её как следует и закуси зубами, – посоветовал Сергей, видя, как мучается Нелька с его старым новогодним костюмом человека-паука. – Я так и делал два года назад. Только придётся молчать.

Одевание супергероя давно не налезало на его стремительно вытянувшуюся фигуру, а вот Нельке даже в восемь лет вполне подходило и по росту, и по комплекции. Сам Сергей втикнулся в костюм пирата, занавесил глаз чёрной повязкой

и посчитал себя достаточно заgrimированным. Толик натянул облачение ковбоя и низко опустил шляпу с той же маскировочной целью.

Их колоритная троица отправилась в вояж по магазинам, а именно в «Сладкий мир», где продавались самые вкусные двухцветные чупа-чупсы с жвачкой внутри и конфеты в виде камней, которые Нелька называла какашками динозавра. Толику только исполнилось шесть, Сергей едва перешагнул семилетний рубеж – их вообще не отпускали дальше трёх метров от песочницы. Отец запрещал Нелли уходить из зоны видимости, если со второго раза не удавалось дозваться из окна квартиры, мог посадить под домашний арест. Карманных денег не давал, в сладостях жестко ограничивал. Только Юрий Михайлович не подозревал, на что способна детская фантазия, лишенная глюкозы.

Чтобы сократить время отсутствия во дворе, пришлось бежать. Сил хватило на два квартала, дальше пошли быстрым шагом, шумно и тяжело дыша. Хуже всех пришлось Нельке: маска-чулок из синтетики промокла от дыхания, неприятно скользила по лицу и снова съехала на лоб, практически лишив возможности видеть хоть что-то, кроме пятка неба впереди.

Сергей взял её за руку и повел за собой.

– Почти пришли. Держись за меня и закуси маску.

Нелька резко остановилась.

– Ты его не стирал, что ли, с тех пор как сам так делал?

Сергей замялся.

– Нет, кажется, мамка не стирала.

– Фу! – она стянула маску и несколько раз плюнула на землю. – Дайте мне срочно кашку динозавра!

В магазин вошли медленно, без суеты, чтоб никто и не подумал, что сюда они добрались без разрешения родителей и вообще без сопровождения взрослых. Прошлись вдоль прилавков, будто выбирали, на что потратить содержимое кошельков, хотя средств было ровно на шесть заветных леденцов, по два на каждого, и на одну пачку «каменных» конфет.

Пошептавшись, ребята вытолкнули Нельку вперёд. Она разжала липкую вспотевшую ладонь и высыпала на прилавок горсть монет. Последняя металлическая денежка не богу весть какого номинала прилипла, пришлось отковыривать ногтём. Не без помощи поддакивающих за спиной Ялицких, Нелька озвучила заказ и добавила в конце: «Пожалуйста».

Во двор снова пришлось мчаться со всех ног, чупа-чупсы распаковывали на ходу. Пришлось Нельке задрать маску и грызть леденец частично с целлофаном. Они залетели на площадку около дома, запрыгнули на двойные качели и принялись раскачиваться, будто никуда и не уходили, а сбившееся дыхание заполучили благодаря дворовому аттракциону.

Из подъезда вышел Юрий Михайлович, его тяжелый взгляд прошёлся по двору и чётко, словно наведённый снайпером прицел, остановился на качелях. Нельку отец опознал не сразу, маску она стянула, но всё ещё оставалась в костюме

человека-паука. Широким и твёрдым шагом Юрий Михайлович пересёк площадку и остановился у низкого заборчика.

– Нелли! Я звал тебя четыре раза. Не вынуждай искать тебя по всем окрестностям. Где ты была?

Из соседнего подъезда вышли родители братьев Ялицких. Мама, суетливая и беспокойная, как недавно окотившаяся кошка, а папа, наоборот, слегка примороженный. Он выбивался из временного потока замедленными движениями, будто режиссер только его заснял в режиме «слоу-мо»⁵.

Юрий Михайлович, оглянувшись на соседей по подъезду, поздоровался кивком и снова обратился к Нелли.

– Откуда конфеты? Я не давал денег.

К площадке приблизились Ялицкие, на их лицах отразился такой же вопрос.

– Серёжа, Толя, откуда у вас средства на чупа-чупсы?

Нелька обязательно свалила бы всё на Ялицких, а братья, в свою очередь, на неё, и всё закончилось бы порицанием и напоминанием, что нехорошо брать деньги у друзей и угощаться за чужой счёт. Но надо же было их родителям подойти одновременно и лишить их заготовленного оправдания!

Они уже не толкали качели, и те с пронзительным скрипом постепенно останавливались. Родители смотрели на них и ждали объяснений. Признаться – означало выпросить наказание. Вчера их неразлучная троица подготовила унифор-

---

⁵ Ускоренная съемка. Используется для получения эффекта замедленного движения при проекции фильма со стандартной частотой кадров.

му профессиональных оборванцев. Надев старательно испачканные, разодранные футболки, они уселись у магазина с букетами первоцветов. Не просили милостыню, не кланялись монетки, они торговали. Их жалкий вид вынуждал людей присматриваться и покупать трогательные щуплые букетики. Нелька отыграла свою роль на ура. Когда люди приближались к магазину, она вскидывала свои разнесчастные выразительные глаза и молча протягивала первоцветы, а Сергей в это время причитал:

– Купите, пожалуйста, цветы, мы их всё утро собирали. По росе и почти в темноте.

Накопив достаточно денег, они свернули униформу и спрятали в кустах шиповника. Решили пока не избавляться от прибыльного хобби, чупа-чупсы имели скверную особенность иссасываться без следа.

Только такую правду не расскажешь. Нелька покраснела, приготовилась молчать и всё отрицать, но Толик, как самый младший и совестливый, не выдержал прессинга родительских взглядов и расплакался.

– Мы больше так не будем!

Сквозь его всхлипывания прорвалась правда об их неприглядном способе заработка и о походе в магазин без разрешения. Старшие Ялицкие почти синхронно повернулись к Юрию Михайловичу, Станислав Кириллович немного запоздал, двигаясь чуть медленнее жены.

– У вашей дочки дурные наклонности. Хорошо бы с ней

побеседовать.

Нелька затихла, ожидая взрыва. Он не заставил себя долго ждать. Юрий Михайлович покраснел, это обыкновение алеть по пустякам досталось Нельке от отца. Он эту привычку в себе ненавидел, а она просто смирилась.

– Это ваши сыновья на неё влияют.

– Нашим мальчикам такое и в голову бы не пришло.

– Да что вы говорите! Их двое, и они мальчишки. А Нелли слишком легко попадает под влияние, у неё мягкий характер.

Никогда ещё Юрий Михайлович не заблуждался так сильно. Все сумасбродные идеи рождались в голове его дочери, но Ялицкие охотно их подхватывали и реализовывали с превеликой охотой. Угрожать или заставлять не было нужды.

– Серёжа, Толик, быстро в машину, ждите нас там.

– Нелли, марш домой. Помоги Наде с уборкой.

Дети слезли с качелей и побрели в указанных им направлениях. У кустов роз приостановились, чтоб разойтись в разные стороны и обернулись посмотреть на препирающихся родителей. Спор только набирал обороты, слышались непонятные для детского уха мудреные и завуалированные оскорбления.

Сергей печально вздохнул.

– Нам теперь точно не разрешат играть вместе.

Нелька оторвала шип розы, лизнула языком и приклеила на кончик носа.

– Ну и что?

Сергей и Толик переглянулись.

– Как «ну и что»?

– Ну и что, что не разрешат. Я всё равно буду, – она сморщилась, демонстрируя вооруженную шипом сопелку. – В садике они нас всё равно не видят.

Нелька давно жила по правилу: если что-то запрещают, это нужно делать втайне.

Толик тонко всхлипнул. Его печаль не была беспочвенной: он посещал другую группу, на год младше и увидеться с подругой в саду никак не мог. Нелька прилепила на его нос такой же «рог».

– Я всё равно с тобой буду дружить, – немного подумав, добавила: – И деньги на конфеты нам всё равно нужны. Просто придумаем другой способ их раздобыть.

С тех пор их дружба приобрела вкус запретного удовольствия, на время ушла в подполье, но никуда не исчезла, так же, как и хитроумные способы заработка денег на очередной чупа-чупс.

В средней школе проблема контроля растаяла сама по себе. Не мог Юрий Михайлович отслеживать каждый шаг неугомонной дочери, пытался в качестве провожатой навязать Надю, но приключения Нельки её не интересовали. Бродить на стройке или обносить ничейные деревья ей никогда не нравилось. У Нади имелась своя компания, состоящая из ребят на несколько лет старше неё, и развлечения у них были

не в пример взрослее. Они тайком или обманом пробирались в ночные клубы, иногда устраивали распитие коктейлей на кладбище и ходили к речке, где горланили песни под гитару. Главной запевалой была именно голосистая Надя.

Нелька же в тринадцать лет выглядела как котёнок египетского сфинкса: нескладная, угловатая и даже чуточку нелепая. Она считала свою внешность очень удобной. При необходимости могла перевоплотиться в мальчишку с помощью спортивного костюма и кепки. Пока ещё не задумывалась о необходимости нравиться и о важности экстерьера. Её большая любовь к Нодару напоминала обожание кумира на расстоянии и не требовала соблазнительного облика, скорее терпения и воображения.

С приходом весны появлялось гораздо больше возможностей разбогатеть. Вместе с Ялицкими Нелли паслась на фруктовых деревьях, они сдавали бабулькам на рынке всё, что можно было содрать, не нарушая закон и не опасаясь получить порцию соли в пятую точку: вишню, абрикосы, черемуху, шиповник, орехи, сливы. Вечерами раздавали рекламные листовки и хватались за любой способ заработка, не попадающий под статью. Родители-юристы постоянно страшили своих сыновей историями о неблагополучных подростках, отправившихся в колонию из-за бедовой башки. Ялицкие мотали на ус и стремительно просаживали всё, что удавалось заработать. Нелька же копила на свою мечту.

В девять лет она впервые нарисовала свой портрет. Ко-

собокий, схематичный, как карикатура. Сюрприза не получилось – она давно мечтала об Италии, и именно это отразилось на рисунке. За спиной изображенной на портрете девочки, вздымал вверх монументальные стены замок Кастель-дель-Монто. Из любого разговора или передачи по телевизору Нелли выхватывала всё, что связано с этой страной. Стена над кроватью пестрела яркими картинками с достопримечательностями Италии, Нелли рассматривала их перед сном, мечтая пройтись по улочкам Чинкве-Терре и увидеть воочию Миланский собор. Интуитивно она чувствовала родство именно с этой страной, полной противоречий и эмоций, страной, умеющей безудержно веселиться и непритворно страдать.

ЖанЭд периодически выпихивала Виталину из дома, заставляя сопровождать Нельку. Прямолинейно и совершенно неделикатно настаивала на дружбе дочери с хулиганской троицей. Сергей кривился: рядом с Витой чувствовал себя словно под присмотром председателя КДН, приходилось следить за шутками и вообще ограничивать себя в употреблении ругательств. Вита не переносила сквернословия и не стеснялась делать им замечания.

Каждый раз, когда аккуратная, гладко причесанная Виталина выходила во двор, он громко фыркал:

– Дочка гробовщицы нарисовалась. Ещё есть время свалить.

Нелька толкала его в бок.

– Пусть. Не гони её. – К Вите она относилась без враждебности, хоть и не было между ними особенной симпатии. Дружила Нелька с ЖанЭд, а Витка прилагалась к этим отношениям как нечто само собой разумеющееся. ЖанЭд поначалу жалела Нелли, но быстро поняла, что та не нуждается в её жалости и вообще не видит причин ей сочувствовать.

ЖанЭд нашла для Нелли первую работу в своём салоне ритуальных услуг, но та ни в какую не хотела принимать деньги за то, что делала от чистого сердца, желая помочь. Пришлось Жанне Эдуардовне подыскивать для Нельки новый источник заработка, хоть её мечту накопить на поездку в Италию она и не воспринимала всерьёз. Ялицкие охотно хватались за возможность обогатиться и почти всегда составляли Нельке компанию.

Неразлучная троица рассыпалась только у дверей похоронного бюро ЖанЭд. Туда Тайсоны не совались, с содроганием представляли, как Нелька спокойно бродит среди гробов, обтянутых красным и фиолетовым велюром, среди венков разной степени скорбности и слушает беседы об очередном погребении. Правда, с наступлением подросткового возраста ускоренный спортом метаболизм погнал Тайсонов в кафе ЖанЭд, там они охотно столовались и не особенно тревожились, что большинство поглощаемой ими выпечки – это поминальные пирожки.

Нелька проворно скользила между рядами с высокими вазами, выметала лепестки опавших цветов. ЖанЭд говорила

по телефону и наблюдала за её мельтешением. Закончив беседу с клиентом, она опустила мобильник в широкий карман брюк и закатала рукава до локтей.

– Все мы в этом мире тленны...⁶ Кузя, иди сюда.

Нелька собрала мусор и оставила совок у стены.

– Сейчас, полы протру.

ЖанЭд установила металлический каркас и расставила коробки с матерчатыми цветками.

– Тебе Серёга, что ли, нравится?

Нелли уселась на табурет, подтянула к себе одну из коробок и, опустив туда руки, принялась перебирать шелестящие цветки.

– С чего вдруг такие выводы?

– Ну не знаю, возраст у тебя такой, когда башку сносит. Рядом только Тайсоны и вертятся. Толик мелкий ещё, а Серый как раз подходит на роль первого сумасбродства.

Нелли ухмыльнулась.

– Папка меня слопаёт вместе с Тайсонами, если мы вдруг надумаем породниться.

ЖанЭд присмотрелась к Нелли.

– А кто тогда? Не может у тебя не быть симпатии. Ты такая...

– Какая?

– Влюбчивая.

Нелли приложила цветок к каркасу и ловко примотала

---

⁶ Строчка из стихотворения С. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу»

тонкой проволокой.

– Я с пяти лет люблю Нодара. На фиг мне Тайсоны.

– Абелова Нодара?

– Откуда вы его знаете?

– Всех знаю, у кого недавно кто-то помер. Он же старше тебя. Погоди, а тебе сколько? Ты же и Витки вроде взрослее.

– Пятнадцать.

ЖанЭд встала, опустила руку в бездонный карман, чем-то пошуршала, потарахтела и извлекла наружу пачку презервативов.

– Держи. Пусть будет. Возраст хреновый, а для тебя так вообще опасный.

Нелька рассмеялась, но пачку взяла.

– Почему для меня? Что-то не помню, чтобы я распутствовала.

– Ты меня напоминаешь. Шумоголовая, без тормозов. Слишком поддаёшься эмоциям. Если вдруг Нодар тебя зацелует, ты ему не только это позволишь. Пусть лучше будет на всякий случай, – увидев, как Нелли мечтательно заулыбалась, продолжила: – Смотрю, ты и не споришь. Правильно. Если ты левша, нужно не переучиваться на правую руку, а покупать ножницы для левшей. Ты такая, учти это и будь готова к выкрутасам своей натуры.

Нелли протяжно вздохнула.

– Тогда очень удачно, что я владею двумя руками. А Нодар меня в упор не замечает. Вряд ли знает, что я существую.

ЖанЭд оглядела Нельку с ног до головы. Взлохмаченные ярко-красные волосы, широкие джинсы и цветную футболку.

– Ну, если он тебя не замечает, у него что-то неладно с башкой. На фига тебе такой ущербный нужен?

Нелли не считала Нодара ущербным, просто ещё не пришло время вспылать к ней страстью. Пока наблюдение со стороны её вполне устраивало, она вздыхала о нём издали, примеряя на него роли персонажей из фильмов. Нодар выгодно выделялся на фоне своих одноклассников: не курил и, самое главное, не сквернословил. Почему-то для Нельки это стало решающим фактором. Её одноклассники с трудом составляли предложения без связки слов в виде матов. Тайсоны тоже любили выражаться сочно и неприлично, но в их исполнении её это не коробило, а вот Нодару не позволялось. Идеалу не разрешалось хоть в чём-то быть неидеальным.

Нелли знала его расписание уроков и тренировок в футбольной секции, знала, где он живёт и по каким предметам лучше всего успевает, а вот когда он родился – не знала.

Недалеко от школы доживал свои дни один из последних в городе ларьков. В металлическом гофрированном домике продавались лотерейные билеты, канцелярия и шоколадки. Школьники бегали к нему на перемене за перекусом и разной мелочёвкой, вроде карандашей или ручек. Ничем не примечательный ларёк мог похвастаться таинственной головоломкой в духе Кентервильского привидения. Периодиче-

ски на узком окошке, из которого высывалась лапа продавца, сгребаящая деньги, появлялась надпись или рисунок. Следы вандализма исчезали быстро, уже к обеду от них оставался только слух, но граффити неизменно возвращались в виде новых каракулей. Иногда это были неприличные слова, но чаще что-то безобидное или милое, но не менее загадочное.

Нелька стояла в очереди и разглядывала верхушки цветущих абрикосов, подпирающих ларёк с двух сторон. Пахло весной и влажным асфальтом, мысли кружились вокруг приближающихся каникул, об учёбе не думалось совершенно. Её внимание привлёк разговор двух девочек, рассматривающих в стеклянной витрине открытку.

– Давай это: «Любимому брату».

– Просто как-то. Давай лучше: «Самому крутому брату».

Нелли присмотрелась и опознала в смуглой темноволосой пятиклашке сестру Нодара, Лилю. Кровь тут же хлынула к щекам, сердце ускорило и заволновалось. У Нодара скоро день рождения! От одной мысли о том, что сейчас она близка к его празднику и наконец подобралась к тайному знанию о великом дне, когда он появился на свет, её всю мелко затрясло, как в лихорадке. Она прислушалась и уловила заветную цифру – двадцать первое мая.

Когда Лиля ушла, Нелли тоже купила открытку, поцеловала её несколько раз накрашенными губами и сочинила признание в любви. Правда, смелости подписаться не хва-

тило. Сохранив анонимность, она тайком бросила открытку в его почтовый ящик и убежала. Сердце колотилось как сумасшедшее, отдаваясь в пятках на каждый шаг, уши пылали, а душа ликовала: она это сделала, призналась ему в любви. Пусть пока он не знает, кто его тайная поклонница, она решилась на первый шаг, он обязательно ощутит её любовь. Нельзя не заметить такое громадное настоящее чувство. Оно, словно облако, распирало Нельку изнутри, пузырилось, вырывалось на свободу и вплеталось в душный солнечный май. В каждом вдохе ей чудилась ответная любовь, нужно просто немного подождать, он обязательно её заметит.

10 глава. Башня

Алексей вяло ковырял наполеон вилкой. Распотрошил десерт на тарелке, но так к нему и не притронулся. Теперь уже и не понимал, зачем заказал. Словно ожидал, что явится зеленоволосая Клотильда и снова слопает его завтрак. Ему бы сейчас точно не помешала встряска в виде беспардонной Нельки.

Официантка поглядывала в его сторону с настороженностью и даже обидой, будто этот несчастный отвергнутый кусок торта она лично приготовила. Алексей злился. Только не мог понять, на что именно. На то, что не разрешил матери продать даданы, или на то, что всё-таки не поехал в Комсомольский и снова перевёл деньги за помощь соседу. Опять завис где-то посередине. Не хотел заниматься ульями, но и избавиться от них не мог. Мама снова звонила, а он опять не озвучил точную дату возвращения в посёлок. Что он вообще делает в Краснодаре? В Комсомольском – добротный дом без хозяина и висящая ярмом на шее пасека. В Питере – новенькая, недавно приобретённая квартира. Пока в ней из мебели только матрас и раковина. Но зато своя жилплощадь, купленная самостоятельно, благодаря вполне терпимой работе без стрессов и урезания выходных. А ещё в Питере ждут друзья, которыми он оброс за годы проживания в этом сером, но удивительном городе. В первую очередь, Даниил.

Стоило вспомнить друга, мысли тут же пустились вскачь, потянулась цепочка от Даниила к его ветреной возлюбленной Алсу, от Алсу к её сестре Марине. В груди тут же больно сжалось, вздрогнуло и заискрило.

Марина.

Лучше бы ему никогда не знать, как это, обладать ею, касаться её кожи, целовать. В голове закрутились яркие образы: ракушечные бусы, плетёная ковбойская шляпа, прозрачно-голубые, как море, глаза, гладкая смуглая кожа и та ночь, ставшая первой и единственной. Он выпросил её любовь, в ней было столько отчаяния и... жалости. Именно жалости, с её стороны любви никогда не было.

Алексей снова погрузился в воспоминания, но звонок мобильного не позволил окончательно в них утонуть. Телефон, вибрируя, пополз по столешнице, ткнулся углом в оплаченный счёт. На экране высветилось имя «Клотильда». С Алексея тут же слетел налёт минорности, сердце сжалось, но уже не от тоски, а от недоброго предчувствия. Он прижал телефон к уху и решительно отодвинул тарелку с варварски растерзанным наполеоном.

– Что случилось?

Трубка сначала зашуршала, потом громко выдохнула прямо в ухо.

– Привет, Алексей Екатеринович! Чё делаешь?

– С тобой всё нормально? – Алексей не отреагировал на искажение его отчества, кивнул официантке на счётницу,

показывая, что расплатился, и направился к выходу. – Отец опять руки распустил?

В телефоне завывал ветер, собеседница пропала на несколько долгих секунд и наконец громко, но всё ещё нечётко сказала:

– Есть разговор. Нетелефонный.

– Где ты?

– Я на своём «месте силы», подзаряжаюсь.

– И где это место? – он с удивлением опознал среди вороха проснувшихся эмоций беспокойство. Голос Нелли глухой и какой-то хмельной, настораживал. – Можно точнее?

– Приходи к старой водонапорной башне. Она находится за десятым детским садом, с другой стороны, там ещё большой ангар. Знаешь, где это?

– Найду.

– Поторопись. Мне скучно. – В трубке снова завыл ветер, будто Нелли находилась в открытом поле или у моря, а потом раздался щелчок разъединения.

Алексей занервничал ещё сильнее. Опять эта странная Нелька вывела его из равновесия. Что ещё за башня, и какой серьёзный разговор его ждёт?

Остановившись у дороги, он привычно опустил руку в карман, надеясь нащупать ключи, и тут же вспомнил, что злосчастная машина снова в ремонте. В этот раз Костя посоветовал своего знакомого автослесаря. Видимо, гостеприимному другу не терпелось избавиться от третьего лишнего

в своей квартире. Костя уже и велосипед готов был предложить, или оплатить билет на ракету до Питера.

Пришлось вызывать такси. Озвучив месторасположение башни, Алексей откинулся на спинку кресла и снова нажал вызов. Телефон протяжно и нудно гудел секунд десять, но Клотильда не ответила. Несколько дней назад она тоже проигнорировала его звонок, но тогда он не волновался, а сейчас, как ни странно, занервничал.

Таксист вывез его на окраину города и высадил напротив того самого ангара, о котором говорила Нелли, сейчас он использовался как склад мебельного магазина, прилипшего к металлическому боку гигантского строения, словно нарост. На фоне этих мебельных симбионтов мрачной громадой возвышался неровный, частично обрушенный край водонапорной башни. Алексей прошёл во двор, пересёк запущенную детскую площадку и нырнул под арку, соединяющую два обшарпанных домика.

Дорогу преградили верёвки с влажным цветным бельём. Он протиснулся боком между пододеяльниками и вышел на пустырь. Почти квадратную, заросшую сорной травой площадку с одной стороны ограждал забор детского сада, с другой – покатым бок ангара, ослепительно блестящий на солнце, а с остальных – жилые дома. Вдоль забора, видимо, чтоб скрыть заманчивый для детворы пустырь, росли кусты сирени, густо усыпанные белыми пышными соцветиями. У ангара ютились мусорные контейнеры, заполненные доверху

обломками чужой жизни, остатками еды и бродячими котами. Воздух пропитался смесью приторного сиреневого аромата и вонью гниющего мусора. Чуть подпахивало мертвечиной, кто-то из местных обитателей мусорки почил с миром и теперь активно отравлял атмосферу.

Алексей сморщил нос, поднял взгляд. В третьем от земли окне виднелось подвижное ярко-красное пятно. Он приблизился к основанию башни, не отрывая взгляд от Нелли. Она расположилась на самом краю, спустив ноги вниз, постукивала босоножками на платформе по старой кирпичной кладке. Над коленками топорщилась алая юбка из фатина, затмевающая яркостью её зелёную шевелюру.

Алексея Нелли увидела издалека. Проследив его передвижение от самого такси, поймала взгляд ещё на подступах к башне и помахала рукой.

– Привет!

Алексей задрал голову, немного отступил, чтоб видеть лицо Нелли, а не только подошвы её обуви.

– С ума сошла? Спускайся сейчас же.

Нелли взялась за края разохшейся рамы и опасно наклонилась вперёд. Зелёные пряди свесились, обрамляя лицо. Даже с такого расстояния он увидел шальной блеск в её глазах.

– Не хочу.

– Нелли, не будь душой. Это опасно. Я не стану с тобой разговаривать, пока не спустишься. – Алексей с трудом сдер-

живал рвущиеся наружу ругательства, сердце глухо бухало в груди.

Он отступил ещё на шаг, подставил ладонь козырьком ко лбу и сощурился. Нелли поменяла положение, села на одно бедро, согнула ногу в колене, а другую снова свесила из окна. Выглядела расслабленной и вполне уверенной в себе, будто сидела не в окне старой башни, а в удобном кресле.

– Если поднимешься, я разрешу на мне жениться.

– Лучше ты спускайся. Я пока не тороплюсь вступать в брак. Разве что вымышленный, придуманный специально для твоего отца.

– Не женишься?

– Нет.

– Ну, раз не женишься, тогда вали домой. Ради этого я тебя и звала. Если не хочешь, на фиг ты мне тогда нужен. – Нелли махнула рукой, прогоняя его, чуть покачнулась, но вовремя ухватилась за торчащий обломок кирпича.

Алексей дёрнулся вперёд, внутри похолодело, в ушах зашумел адреналин.

– Спускайся сейчас же!

– Щаз! Иди домой, Алексей Ерундович. Не хочешь жениться, не надо. Без тебя как-нибудь обойдусь.

Она вскинула подбородок вверх, руки сложила на груди.

Алексей около минуты рассматривал её профиль, потом раздражённо фыркнул и приблизился к башне вплотную.

– Как ты сюда забралась, коза горная?

– Там внизу вход закрыт железякой, угол можно отогнуть, а внутри есть лестница. Почти целая. Пару метров придётся подниматься по выщербленным кирпичам, а потом начинаются ступеньки.

– Сиди и не двигайся.

Алексей прошёл несколько метров вдоль кирпичной стены и наткнулся на вход, частично забитый потемневшими досками и прикрытый сверху куском гофрированного железа. Нижний угол импровизированных дверей прилегал неплотно и, судя по облупившейся на сгибе краске, не раз отодвигался в сторону. Щуплая Нелли без труда просочилась в узкую щель между стеной и металлическим краем, а вот ему пришлось расчистить себе вход пошире. Протискиваясь в башню, Алексей умудрился зацепиться шлевкой на джинсах, чуть застопорился. Дёрнувшись вперёд, вырвал петлю с корнем. Оказавшись внутри, отряхнул джинсы и огляделся. Стены пестрели непрезентабельным уличным творчеством. Через несколько минут он уже знал, что у Тани и Валеры любовь, Паша – козёл, а Светка-шмара торгует телом. Брезгливым натурам явно не стоило рассматривать мусор, усеивающий пол, могло и стошнить.

Нелли сидела в той же позе, но, отвлекшись от разглядывания неба, пристально следила за перемещениями Алексея. Он вздохнул и приблизился к стене, прямо над ним болтался огрызок ржавой лестницы. Схватившись за выступающий кирпич, он подтянулся на руках, упёрся ногами в выступ и в

один прыжок достал до нижней перекладины. Дальше подъём пошел быстрее и легче. Старая винтовая лестница петляла вдоль стены, нещадно скрипела, но обрываться не планировала. Некоторые ступеньки отсутствовали, пришлось перепрыгивать провалы, балансируя на погнутых перекладинах, обсыпаящихся пылью под подошвами его кроссовок.

До окна, на котором расположилась Нелли, он добрался, немного запыхавшись, с хлопьями ржавчины на ладонях. Здесь лестница расширялась в небольшую прямоугольную площадку и снова уходила вверх к давно прогнившему баку для воды. Сквозь прорехи в его покато́м дне проглядывало синее небо с росчерками пролетающих птиц.

Нелли снова перекинула обе ноги через край окна и сдвинулась в сторону, предлагая Алексею сесть рядом. Он остался стоять, но приблизился почти вплотную к стене, чтоб не позволить Нельке спрыгнуть или нечаянно свалиться. Какое у неё настроение, он ещё не понял, но выглядела она как бешеная лисица: непредсказуемая и безрассудная. В её застывшей позе чувствовалась готовность сорваться в любой момент, как у замершего на старте атлета, ожидающего выстрела.

Она бросила взгляд через плечо и снова повернулась к окну.

– Красиво, да?

Алексей успел заметить чёрные подтёки туши под глазами и размазанные стрелки на верхних веках, алая помада выхо-

дила за края губ и убегала полосой на скулу. Правый глаз все ещё пугал красной сеткой поверх склеры, на щеке через слой пудры проглядывал фиолетово-жёлтый синяк.

– Нелли, может, заберёшься внутрь?

Она снова обернулась, в этот раз посмотрела на него долгим немигающим взглядом. Своего потрёпанного вида явно не стеснялась, а может, просто забыла о нём.

– Такое синее небо бывает только в мае после грозы, кажется, оно куда-то плывёт.

Алексей с трудом оторвал взгляд от её лица и тоже выглянул в окно. Несколько минут они молча разглядывали лазурный небосвод с барашками облаков.

– словно пена на кромке прибоя. Оно дышит.

Нелька хмыкнула.

– Да ты романтик!

– Раньше был, – откликнулся Алексей. Перестав колебаться, сел рядом, так же свесив ноги из окна. – Если всё-таки вывалимся, можешь меня подстелить, упасть сверху.

– Если хочешь, чтобы я оказалась сверху, сначала женись на мне.

Алексей осуждающе покачал головой.

– Ты же меня совершенно не знаешь.

– Был бы маньячело, повёз бы тогда не в больницу, а в лесополосу. И вообще, глаза у тебя добрые.

Алексей опустил взгляд на её ноги, обтянутые колготками в крупную сетку, через порванную на коленках ткань вид-

нелись ссадины. На голени, прямо под ремешками босоножек угадывались очертания тату в виде распушённого облетающего одуванчика. Каблуки беспрестанно постукивали по кирпичам, вряд ли Нелли сама замечала, что бежит по воздуху.

Взгляд снова вернулся к её лицу.

– Что случилось? Отец?

Нелли слегка вздрогнула.

– И он тоже.

Почему-то совсем не хотелось раскрывать причину, по которой она оказалась в башне. Основную причину. И это был не отец, а Нодар.

Утро начиналось радостно и ярко, со сладкого и трепетного предощущения праздника. Последний звонок должен был стать особенным, и не только потому, что одиннадцать лет обучения остались позади, а потому, что вся параллель выпускников собралась отпраздновать окончание школы в кафе. Сама судьба преподнесла ей возможность открыться в чувствах Нодару.

Сразу после торжественной линейки, испорченной слезливыми завываниями некоторых одноклассников, ребята ринулись в открытое летнее кафе. По пути половина потерялась и рассеялась. Довольно большая компания образовалась из трёх классов на основе общих увлечений или симпатий. Нелька дружила с Виталиной, та, в свою очередь, ходила на фортепиано с Катей из одиннадцатого «А», а Катя

оказалась троюродной сестрой Петьки Чернецова – лучшего друга Нодара. Так они и оказались в одной компании.

Как только Сергей увидел Нодара, подлетел к Нелли и, обняв по-свойски за плечи, ткнулся носом в ухо.

– Кузя, держи себя в руках. Не чуди.

С тех пор как Ялицкие высмеяли её симпатию к Нодару, она перестала брать их на охоту за Абеловым по школьным коридорам. Таскала за собой Виту. Подруга тоже не горела желанием ловить Нодара и выслушивать оды в его честь, но привычно подчинилась более деятельной натуре Нельки. Сергей знал, что её любовь не потухла, периодически язвил и подшучивал над ней, но никому о тайных чувствах не проговорился. При своей беспардонной прямолинейности он умел быть деликатным в важных вещах.

Сдвинув столики, выпускники заняли половину террасы кафе. Галдели и шумели, как на базаре, привлекая к себе внимание посетителей и случайных прохожих. Некоторые девушки принарядились в одежду, имитирующую школьную форму, которую носили ещё их мамы – тёмные платья и кружевные белые фартуки. Правда, форма выглядела слишком уж приталенной и укороченной, больше напоминала костюмы для ролевых игр или облачение анимешниц. Белые банты на хвостах и гольфы добавляли мультяшности, делая их похожими на с Сейлор Мун.

Нелька оказалась в числе тех, кто наплевал на чёрно-белый дресс-код. Она его и в процессе обучения практически

не соблюдала, за что не раз выслушивала порицание от Геннадича.

Освобождение из школьного заключения праздновали шампанским. Выпускники громко переговаривались, вспоминали смешные случаи и даже вражду между классами. Теперь она казалась смешной и нелепой. Нелли не вслушивалась в беседы, она гипнотизировала взглядом Нодара. Несколько раз он зацепился глазами за её пристальное внимание, сначала не реагировал, но потом начал заметно нервничать.

Нелли волновалась ещё больше, мяла края алой юбки, накручивала на палец локон и совершенно не к месту заливалась смехом. Шампанское расслабило недавних школьников, кто-то даже, несмотря на полдень, ринулся танцевать среди столиков. Нелли не пила, её и так трясло хуже некуда, руки дрожали. Она направилась к барной стойке, чтобы попросить стакан воды. Выпила ее залпом в несколько глотков, будто осушила стакан с крепким алкоголем. Повернулась и нашла взглядом Нодара. Он сидел за столом, о чём-то беседовал со своим другом. С девочками не танцевал и не буянил с одноклассниками. Выглядел как воспитатель, выгуливающий шумных и беспокойных детей, не в меру серьёзный, даже слегка уставший.

К Нельке подскочили одноклассницы Нодара, Вика и Таня, что-то быстро затараторили, хватая её за руки и выпихивая на террасу. В ладонь Нельки легла скомканная записка.

С этими девушками она не дружила, даже хуже: в девятом классе у них был конфликт, так что дружелюбие немного настораживало.

Она выкрутилась из навязчивых объятий и разжала пальцы.

Таня заговорщически подмигнула:

– Это тебе от Нодара.

– Он просил передать, – подхватила Вика.

Девушки сразу же ввинтились в толпу танцующих, будто и не было этого разговора. Нелли развернула записку и прочитала. Замотала головой и перечитала ещё три раза, смысл не доходил до её сознания.

Ты давно мне нравишься. Решил признаться, пока мы не разъехались по разным городам. Давно хотел тебе сказать об этом, но боялся. Ты смелая, а я нет. Было бы замечательно, если бы ты при всех поцеловала меня и показала, что мы пара.

Неужели она нравится Нодару? Давно? Написал, что давно. Горячая волна прошла от макушки до пяток, сконцентрировалась где-то в груди, завибрировала окрылённой мечтой. Вот и пришло её время, она всегда знала, что её судьба связана с Нодаром.

Поцеловать? Это она может. Нелли решительно сжала обрывок листа в ладони, убрала зелёные пряди за уши и направилась к столику, за которым сидел Нодар. Стремительно приблизилась, наклонилась и, не дав ему ни секунды на

раздумья, схватила за подбородок и прижалась к его губам. Отреагировал он не так, как Нелли ожидала. Не просто отстранился, а оттолкнул. Вытерев ладонью губы, присмотрелся к напавшей на него Нельке и изумлённо округлил глаза.

– Ты с ума сошла? Это что вообще такое было?

Нелли растерянно оглянулась. На неё смотрели одноклассники, ещё более удивлённые, чем Абе́лов. Послышались смешки, перешёптывания, в толпе мелькнули лица Тани и Вики. А вот они потрясенными не выглядели совершенно. Нелли отступила назад, чуть не подвернула ногу на ступеньке между кафешкой и террасой. Чудом удержалась. Не хватало ещё растянуться на глазах смеющейся толпы с задранной кверху пышной юбкой! В ушах шумело, Нелли ничего не видела и не слышала, только крики детей, скандирующих: «Сыкуха»! Память перенесла её в день самого большого унижения и слила его воедино с сегодняшним днём.

Нодар смотрел на Нелли, пока она отступала. Удивление сменилось растерянностью, а потом и жалостью. Он не испытывал к Нелли неприязни и уж точно не хотел её обидеть, просто не ожидал такого нападения и резко отреагировал. Он и не подозревал о её симпатии, а она, вместо того чтобы поговорить, сразу кинулась с поцелуями. О её существовании он, естественно, знал. Больше никто не решался на такие эксперименты с волосами, но никогда не рассматривал её в качестве своей девушки. В выборе спутницы он отличался крайней консервативностью и последнее время поглядывал

на Виталину Колесникову, подругу этой самой Нелли.

Нелли перекинула ремешок сумочки через голову, резко развернулась и убежала. Не смогла придумать другой способ спастись от унижения. Сергей пропустил всё представление, как раз уговорил одну из официанток показать ему подсобное помещение. А когда услышал пересказ того, что произошло, было уже поздно, подруги и след простыл, а на звонки она не отвечала.

Нелли бежала бесцельно, с одной мыслью — оказаться как можно дальше от этого дурацкого кафе и ошеломлённого лица Нодара. Собственные слёзы заметила, когда в глазах поплыла картинка. Зло размазала косметику по лицу, без следа стирая часовые усилия загримировать синяк и сделать выразительными глаза, как учила Виталина. Случайно зацепилась кольцом на пальце за пирсинг в носу, чуть не вырвала его. От обиды и боли разревелась ещё сильнее. Почему она вообще поверила Тане и Вике? Ответ лежал на поверхности: она хотела в это верить. Сергей не раз говорил: когда дело касается Нодара, она превращается в наивную пустоголовую идиотку, и розовые очки на её глазах запотевают от восхищённых вздохов.

Сначала Нелли бездумно брела по городу, игнорируя беспрестанные звонки сначала Сергея, потом Толика. Вскоре к телефонным атакам подключились Виталина и ЖанЭд. Говорить ни с кем не хотелось, пришлось отключить на мобильнике звук. Удивленные, а порой и брезгливые взгля-

ды прохожих её не трогали, отскакивали горошинами, не проникая внутрь. Острая поначалу боль утихла, растеклась внутри тягучей серой горечью.

У фонтана Нелли села в такси и отправилась в своё «место силы». В башне ей всегда становилось легче. «Богатое убранство» этого места ярко сигнализировало, что есть люди, которым ещё хуже, гораздо хуже, чем ей.

Пробравшись в башню привычным способом, она уселась на окно и, достав телефон, пролиستала список пропущенных звонков. Хотела уже спрятать мобильник в сумку, но передумала. Нашла номер Алексея и решительно нажала кнопку вызова.

Он пришёл, даже не попросил объяснений, просто пришёл.

Алексей повернулся к Нелли, аккуратно убрал в сторону зелёную прядь и слегка нахмурил брови.

– Долго заживает.

Нелли отмахнулась от его прохладной руки, не позволив коснуться.

– Поздравь меня, кстати, школа тю-тю.

– Так это ты в честь последнего звонка такая... нарядная?

– Нормальный фасад. Всё в рамках приличия. – Она взмахнула верхним слоем фатина и подтянула упавшую лямку чёрного топа. Мелькнула чуть более светлая кожа груди. Алексей быстро отвёл взгляд, догадавшись по очертанию тела, что нижнее бельё под топом отсутствует.

– Боюсь представить, в чём ты придёшь на собственную свадьбу.

Нелька бесстрашно высунулась из окна и рассмеялась.

– Цвет волос поменяю. Надоело быть Гринчем. Хочу наворотить на башке что-то розовое. Хотя бы фрагментами, как у тебя.

Алексей запустил пальцы под плотную резинку на юбке Нельки и потянул обратно в башню. Смотреть, как она болтается над несколькими метрами пустоты, не хватало терпения.

– Розовое? Как у тебя шевелюра не обсыпалась после таких экспериментов.

– Это ты меня ещё лысой не видел.

Он прищурился, пытаясь представить её без взъерошенных зелёных прядей. С изумлением понял, что у Нельки красивая форма головы и слегка оттопыренные уши, что её, в общем-то, совершенно не портит, а очень гармонично вписывается в образ. Ей даже подбитый глаз шёл, будто это новомодная тенденция в макияже.

– Лысой?

– Два года назад, – Нелька нахмурилась и тут же рассмеялась. – А ты в курсе, что мелирование давно не в моде?

Алексей устало вздохнул.

– Это не мелирование. Это меня природа так разукрасила.

Нелли перекинула одну ногу и оседлала проём по-ковбойски. Чуть придвинулась к Алексею и указала пальцем в край

тату, выглядывающий из-за воротника футболки.

– Это тоже природа?

– Это Даниил. – Он тоже поменял положение, зеркально повторив её позу. От Нелли шел такой плотный поток энергии, что хотелось невольно выйти из зоны поражения. Пришлось отклониться назад.

Нелли опять смотрела на него изучающим взглядом, потом протянула руку и коснулась волос. На ощупь они оказались мягкими и гладкими.

– Это как у далматинцев?

Он усмехнулся.

– Почти. Моя фамилия Виртус. Раз уж ты собралась за меня замуж, должна знать. С латинского означает разукрашенный. Вот природа и постаралась. Это у нас наследственное.

Нелька широко улыбнулась.

– Мне подходит.

Алексей смотрел на неё молча почти минуту, Нелли не отвернулась, выдержала его прямой серьёзный взгляд, наблюдая, как яркие солнечные лучи пронзают изумрудную радужку и растворяются где-то в глубине. Смуглая кожа Алексея серебрилась короткой щетиной, около глаз обозначились морщинки от смеха. Видимо, когда-то он часто смеялся.

– Почему ты хочешь, чтоб я женился на тебе? Только честно, не юли.

Нелли склонила голову к плечу.

– Я хочу чувствовать себя... в безопасности. Хочу сбежать

отсюда далеко-далеко. Ты же неместный?

Алексей качнул головой.

– Неместный.

– Я так и думала, говоришь ты немного не так. Хотя, кто вас, австралопитеков, знает, может, в каменном веке так все разговаривали.

Алексей непроизвольно едва заметно улыбнулся, но почти сразу снова стал серьёзным.

– Ты боишься отца?

Нелли задумалась. Интуитивно чувствовала, что именно эта причина может показаться убедительной, а не оскорблённое достоинство из-за публичного унижения и не несчастная первая любовь.

– Я хочу уехать.

Он нащупал её руку и слегка сжал.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось такое пережить. – Его взгляд задержался на татуировке в виде парада планет. Около земли, исполняя роль луны, расположилась родинка, она очень удачно вписалась в рисунок, став частью композиции.

Нелли вздрогнула, но руку не убрала, посмотрела на его огромную ладонь, полностью скрывшую её сцепленные в замок кисти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.